

Для всех поклонников сериала «Мир Дикого Запада»
и цикла «Лунные хроники» Мариссы Мейер

ДЖЕСС РОТЕНБЕРГ

КОРОЛЕВСТВО

ЛУЧШЕЕ МОЛОДЕЖНОЕ ФЭНТЕЗИ

Лучшее молодежное фэнтези

Джесс Роттерберг

Королевство

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Ротерберг Д.

Королевство / Д. Ротерберг — «Издательство АСТ»,
2019 — (Лучшее молодежное фэнтези)

ISBN 978-5-17-113444-0

Добро пожаловать в Королевство! Здесь «и жили они долго и счастливо» – не желанная развязка, а закон. Девушка по имени Ана – гибрид человека и андроида – работает в футуристическом парке развлечений. Призвание Аны – делать клиентов парка счастливыми, и до поры до времени она отлично справляется со своими обязанностями... пока ее не обвиняют в убийстве.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-113444-0

© Ротерберг Д., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

1	6
2	7
3	8
4	10
5	12
6	15
7	17
8	18
9	21
10	22
11	23
12	28
13	29
14	36
15	37
16	40
17	45
18	46
19	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Д. Ротенберг Королевство

Jess Rothenberg
THE KINGDOM

Печатается с разрешения издательства Henry Holt and Company и литературного агентства Nova Littera SIA.

Henry Holt® is a registered trademark of Macmillan Publishing Group, LLC.

Copyright © 2019 by Jess Rothenberg and Glasstown Entertainment

© Т. Хазанзун, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

«Ротенберг представляет на суд читателей интригующую, дающую почву для размышлений антиволшебную сказку».

Publisher Weekly

«Эта превосходная книга, соединившая в себе главные темы «Степфордских жен» и «Мира Дикого Запада», радует богатой начинкой и затейливо устроенным сюжетом».

Kirkus Reviews

«Флешбеки, протоколы судебных заседаний, показания свидетелей – вот с чем предстоит разобраться читателю, желающему понять, что же произошло на самом деле. Фрагмент за фрагментом, крошечными частями перед нами открывается история Аны – редко когда повествование оказывается таким дразнящим и волнующим. Многослойный и динамичный детективный роман с этической проблематикой».

Booklist

*Посвящается Стивену,
за постоянство веры.*

*Жизнь сама по себе – самая удивительная сказка.
Ганс Христиан Андерсен*

1

Декабрь Минорского хамелеона **Через час после убийства**

В комнате, где они наконец-то нашли его, было так холодно, что сначала все подумали, что он просто насмерть замерз. *Его лицо было белым как снег, кожа холодна как лед, губы совершенно синие.* Выражение его лица показалось полиции умиротворенным. Словно он умер во время прекрасного сна.

Если бы не кровь.

Кровь всегда выдает все тайны.

2

Разговор после судебного заседания

[00:01:03–00:02:54]

Д-Р ФОСТЕР: Ты в порядке?

АНА: У меня болит запястье.

Д-Р ФОСТЕР: Служба безопасности посчитала, что наручники необходимы. Надеюсь, ты понимаешь.

АНА: [Молчит.]

Д-Р ФОСТЕР: Тебе что-нибудь нужно, прежде чем мы начнем?

АНА: Можно немного воды?

Д-Р ФОСТЕР: Конечно. [Говоря в микрофон.] Пожалуйста, принесите сюда стакан воды. Грамм 170, не больше. Спасибо. [Обращаясь к Ане.] Минуту.

АНА: Спасибо.

Д-Р ФОСТЕР: Не за что. Это самое малое, что мы можем сделать.

АНА: Это точно.

Д-Р ФОСТЕР: С нашего последнего разговора прошло много времени.

АНА: Четыреста двадцать три дня.

Д-Р ФОСТЕР: Как ты себя чувствуешь?

АНА: Пора заканчивать этот разговор.

Д-Р ФОСТЕР: Еще один, последний раз, Ана. Потом мы дадим тебе отдохнуть, обещаю.

АНА: Я думала, что закончила отвечать на вопросы.

Д-Р ФОСТЕР: Нам все еще нужна твоя помощь.

АНА: Почему я должна вам помогать? После всего, что вы сделали?

Д-Р ФОСТЕР: Потому что делать это необходимо.

АНА: Другими словами, Вы хотите сказать, что у меня нет выбора?

Д-Р ФОСТЕР: Хочешь встретиться со своими сестрами? Они соскучились. После окончания нашего разговора я смог бы устроить встречу. Кая. Зара. Или, может быть, Зэл? Хочешь?

АНА: [Спокойно.] А что, если бы я сказала, что хочу увидеть Нию? Или Еву?

Д-Р ФОСТЕР: [Молчит.] Ана, ты же знаешь, что это невозможно.

АНА: Почему Вы просто не спросите меня о том, что Вас действительно интересует? Я не настроена играть в Ваши игры.

Д-Р ФОСТЕР: Мои игры?

АНА: Вы усмехаетесь. Что смешного?

Д-Р ФОСТЕР: Скажу тебе через минуту. Но прежде меня волнует одна вещь, которую я до сих пор не могу понять.

АНА: Слушаю.

Д-Р ФОСТЕР: Что ты сделала с телом, Ана?

3

Сентябрь Саванной овсянки Два года до суда

Тихое тарыхтение движущейся монорельсовой тележки похоже на биение сердца птицы. На короткий момент, настолько короткий, что камера видеонаблюдения не может его зафиксировать, я закрываю глаза, выдыхаю на холодный алюминиевый поручень, и в голове мелькает мысль о том, что вот это оно и есть – ощущение полета.

Невесомо. Бездыханно. Свободно.

«Ана?»

Маленькая девочка в упор смотрит на меня через пролет. Я быстро наклоняюсь как можно ниже. «О, привет! Как тебя зовут?»

Девочка усмехается, показывая два ряда безупречно ровных зубов. «Клара».

Клара.

Через мгновение в моей голове начинает звучать музыка.

Чайковский.

Потом перед моими глазами включается голографический экран.

Маленькая девочка в мягких розовых пуантах. Ожившие куклы в свете луны. Злой Крысинный король. И благородный принц, который должен каким-то образом всех спасти.

Красный свет мигает передо мной, и я улыбаюсь.

На тележке громко звучит мой беспроводной сигнал.

«Какое красивое имя, – говорю я ей. – Оно напоминает мне о моем любимом балете».

Я приглашаю ее встать рядом со мной, пока наш поезд бесшумно движется по небу. Вдалеке под нами за окнами из непроницаемого стекла проносится Королевство – туманность, сотканная из красок и звуков. Мы парим над кронами тропических деревьев. Роскошными лугами. Доисторическими прериями. Кристально чистыми водоемами, в которых живут русалки. Звездами и лунами. И вдалеке, после плавного разворота, виден замок. Его изящные серебряные шпили настолько остры, что кажется, будто это ножи, разрезающие облака.

«Дворец принцессы», – шепчет Клара. – Он действительно волшебный?»

«Закрой глаза, – говорю я, улыбаясь. – Загадай желание. Обещаю, что оно исполнится».

Клара мгновенно загадывает желание, а потом обнимает меня руками за талию.

Многие вещи в Королевстве мне не нравятся, даже если я не произношу это вслух. Долгие часы. Ужасная жара. Странная пустота, которую я ощущаю каждую ночь, когда ворота уже закрыты и наши гости вернулись во внешний мир. Но эта сторона, эта связь – вот *ТО*, что примиряет меня со всем.

«Ладно, дорогая. Достаточно. Пора идти». Мать девочки мягко снимает руки Клары с моей талии. Я замечаю, что смотрит она на меня настороженно – такой взгляд я видела у поведенческих психологов, когда они рассматривают особо опасные гибриды, живущие в парке.

Я улыбаюсь еще шире и плавно вытягиваю руки перед собой – небольшая перемена позы, чтобы мать поняла, что я неопасна.

«Нарисуй мне картину, – говорит Клара. – Пожалуйста, одну картину».

Я вижу удивление в ее глазах. Ее кожа пахнет радостью. Я даже могу слышать возбужденное биение ее сердца. Быстрая пульсация под кожей, кровью, костями. Словно маленький мощный моторчик в ее груди.

«Одну картину», – повторяет ее мать. Но сама она при этом не чувствует радости.

Клара снова обхватывает меня руками. От ее щеки остается пятно на моей рубашке, и память хранит ее уникальный запах. *Клубника, ромашка и магнолия.*

Благодаря тысячам маленьких электродов, встроенных в мою кожу, я могу *буквально* ощутить, как улыбка пронизывает все ее тело.

«Скажи «сыр», – говорит мать Клары.

«Скажи *«и жили они долго и счастливо»*, – говорю я.

Потом мир вспыхивает белым светом. В Королевстве – *моем* Королевстве – *«и жили они долго и счастливо»* – единственно возможный конец.

4

Протокол судебного заседания
в окружном суде 11-го судебного округа
округ Льюис, Вашингтон
штат Вашингтон,

Истец,
Дело No. 7С-33925-12-782-В

против

КОРПОРАЦИИ «КОРОЛЕВСТВО»

Ответчики

ЗАПРОШЕН СУД ПРИСЯЖНЫХ

ПЕРЕД ПОЧЕТНЫМ СУДЬЕЙ АЛЬМА М. ЛУ

1 СЕНТЯБРЯ 2006 ГОДА

ВЫДЕРЖКА ИЗ ПРОТОКОЛА СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Мисс РЕБЕККА БЭЛЛ, ПРОКУРОР ОКРУГА ЛЬЮИС: Доктор Фостер, не могли бы Вы объяснить суду, чем конкретно Вы занимаетесь в должности директора по надзору за нормативно-правовым соответствием Королевства?

ДОКТОР УИЛЬЯМ ФОСТЕР, ДИРЕКТОР ПО НАДЗОРУ ЗА НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫМ СООТВЕТСТВИЕМ И ГЛАВНЫЙ СУПЕРВИЗОР ПРОГРАММ «ВОЛШЕБНИЦЫ» И «ГИБРИДЫ» КОРПОРАЦИИ «КОРОЛЕВСТВО»: Конечно. По сути, я являюсь главным координатором работы службы безопасности, технологической и исполнительской служб парка. Мы хотим не просто предлагать посетителям лучшую развлекательную программу, но и обеспечивать самый высокий уровень безопасности их отдыха в нашем парке.

МИСС БЭЛЛ: Это подразумевает наблюдение за поведением и работой персонала?

Д-Р ФОСТЕР: Это часть нашей работы. Моей задачей является контроль за тем, чтобы каждый человек, работающий на корпорацию «Королевство», соблюдал все положения внутренней политики и регламенты.

МИСС БЭЛЛ: Правду ли говорят люди о процессе найма в вашу корпорацию? Что, мол, легче получить работу в ФБР, чем в «Королевстве»?

Д-Р ФОСТЕР: Чтобы быть лучшими в мире, нужно, чтобы на вас работали лучшие люди.

МИСС БЭЛЛ: Как в Ваших должностных обязанностях отражен аспект «Волшебницы», доктор Фостер?

Д-Р ФОСТЕР: Я плотно задействован в программе «Волшебницы» уже семнадцать лет, с ее старта. Мы жестко следим за качеством работы в постоянном режиме и оцениваем удовлетворенность посетителей – опять же, всегда в соответствии с законом – для того, чтобы предлагать такие безопасные развлечения, которых вы больше не найдете нигде в мире.

МИСС БЭЛЛ: Другими словами, Вы сделали исследования реальностью. Вы реализовали самые невероятные мечты людей.

Д-Р ФОСТЕР: Хорошо сказано, так и есть.

МИСС БЭЛЛ: Вы хотите сказать, доктор Фостер, что Ваша руководящая позиция в компании, владеющей одним из самых, если не сказать самым, технологически продвинутых аттракционов в мире, подразумевает ответственность за безопасность и благополучие ваших посетителей?

Д-Р ФОСТЕР: Безопасность посетителей всегда была самым главным приоритетом в нашей работе. Всегда.

МИСС БЭЛЛ: Правда?

Д-Р ФОСТЕР: Конечно.

МИСС БЭЛЛ: В таком случае... ваша версия: чем же мы тут занимаемся?

5

Сентябрь Саванной овсянки Два года до суда

Мои открытые глаза шуряют на рассветный свет, хотя я и не засыпала.
Мы – я и мои сестры – не спим, по крайней мере так, как это обычно делают люди.
Вместо сна мы просто отдыхаем.

«*Часы отдыха*», называет это наша Мама. Время между 12 и 18 часами, когда мы лежим неподвижно, как статуи, в наших постелях, с закрытыми глазами, но ясным умом, очищая системные файлы, устанавливая обновления и обрабатывая события дня. Длинный промежуток тишины трудно выдерживать моим новым сестрам, потому что их скорость загрузки выше – Зара и Зэл привычно делают запрос на исключение и привычно получают отказ; для меня же эти часы спокойствия и тишины – самое лучшее время дня. Оно принадлежит мне и только мне – я могу сканировать произведения Шекспира, Остин и Толстого; могу внимательно рассматривать полотна Кало и Кассатт, или вливаться в поток симфоний Моцарта и Баха или, учить новейший кантонский диалект. Ночь за ночью я путешествую так далеко, насколько позволяют шлюзы Королевства, виртуально изучая мир за пределами нашего шлюза в полной безопасности. Фильмы. Музыка. Искусство. Наука. Литература. Математика. Астрономия. Таким способом я обошла усыпальницы Древнего Египта. Проехалась на колеснице по улицам Помпеи. Преодолела 1710 ступенек лестницы, ведущей на вершину Эйфелевой башни. Однажды я даже летала в ракете на Луну.

Однако прошлой ночью я не летала на Луну. Прошлой ночью я размышляла над историей моей сестры Алисы. Ее разбитое в кровь лицо. Вся изломанная. Жестокость, с которой ее убили: окровавленные органы и разодранные схемы, металлически поблескивающие на газетных фотографиях, которые Мама хранит в своей коллекции – книге правдивых историй, которые она иногда читает нам в качестве напоминания. *Вот что они делают с вами там, в мире за пределами Зеленого Света на краю парковки.*

Алиса была настоящей Волшебницей – красивой, всеми любимой представительницей рода Евы, которая жила за несколько десятков лет до моего появления. Но с ней случилось нечто ужасное. Сначала ее выманил из парка и похитил посетитель. Три дня спустя она попыталась убежать от него, но потерялась. Алиса кружила по городу, наполненному звуками и запахами человеческой жизни. Мы думаем, что к тому времени ее система уже была перегруженной. Она не могла точно обрабатывать информацию. Встроенный GPS-навигатор не мог привести ее домой. И тогда к ней приблизилась толпа. Любопытные взгляды. Взмахи рук. Оскорбления.

Людам, которые ее нашли, Алиса не понравилась. Потому что она не была такой, как они.
И мы не такие, как они.

На следующий день после того, как нашли Алису, Королевство начало строить шлюз.

С тех пор мы с благодарностью молимся на парк, потому что знаем, что подобного ужаса ни с одной из нас больше случиться не может. Теперь мы в безопасности.

Супервизоры постоянно контролируют это.

Рабочий день начинается, как обычно, с Пробуждающего Света – имитации восхода солнца, – который постепенно освещает нашу спальню и наполняет ее трелями птиц и музыкой ветра. Мама просит нас не разговаривать друг с другом в эти минуты перехода из ночи в утро, чтобы мы могли войти в новый день мирно, спокойно.

Вскоре приходят помощники, которые провожают нас в душ для дезинфекции – мы тремся скрабом, моемся шампунем, наносим кондиционер, эксфолиант, выщипываем волосы,

бреемся и наносим на все тело увлажняющий крем, после чего высушиваемся, одеваемся в мягкие белые платья, и нас ведут в медицинский центр на пятом этаже для дополнительных утренних процедур – мы можем поесть, но это *необязательно*, нас взвешивают, измеряют давление; главный Супервизор осматривает нас, чтобы убедиться в том, что мы совершенно здоровы, как физически, так и психически. Он нам не отец, но мы все равно называем его Папой. У Папы ласковые руки, теплая улыбка и глаза, цвет которых напоминает мне океан. Не то чтобы я когда-нибудь *видела* океан – шлюз блокирует все образы из мира за его пределами, которые могут нас как-то расстроить, – но из рассказов Мамы о былых временах, когда океан еще не был загрязнен, я представляю его и надеюсь, что представляю правильно.

«Но когда-то, девочки... когда-то океаны были голубыми, как лепестки прелестного василька, и прозрачными, как чистейшее стекло...»

«Доброе утро, Ана. – Папа напевает приятную мелодию, направляя свет в мои глаза, проверяя степень изношенности линз. – Как наши дела в такой чудесный день?»

Я улыбаюсь ему в ответ.

Папа – это постоянство. Надежность. Безопасность.

Мне и моим сестрам теперь понятно, что не все люди такие. Это урок Алисы, урок о том, что может случиться с такими, как мы, за пределами шлюза.

После завершения гигиенических процедур и профилактического осмотра мы идем в Центр украшения, где нас ждут специалисты по красоте (мою зовут Флер). За несколько часов они превращают нас, семь чистых листов, в семь сказочных принцесс – Волшебниц – совершенное воплощение женственности. Мы красавицы. Мы добры. Мы красочны, как радуга, и созданы для воспевания нашей общности и разнообразия мира, в котором живем. Мы любим петь, смеяться и дарить себя. Мы никогда не повышаем голос. Всегда готовы угодить. Никогда не говорим «нет», если только нас об этом не попросят. Ваше счастье – это *наше* счастье.

Ваше желание является для нас руководством к действию.

Толпы народа уже с утра собрались за стенами дворца в ожидании того момента, когда мы выйдем из него. Люди выкрикивают наши имена, еще даже не видя нас, пока мы идем по крытому каменному переходу между зданиями.

«Ана! – кричат они. – Кая! Юми! Ева! Зара! Пания! Зэл!»

Гости не знают о том, что мы не живем в Замке. Мы там никогда и не жили. Построенный в стиле французского шато шестнадцатого века, Замок принцесс окружен извилистым рвом, через который перекинута два каменных моста; шпили девяти башен Замка взмывают к облакам. Посетители Королевства погружаются в средневековый мир; тщательно продуманная комбинация живого исполнения, гибридной аниматроники и элементов экстремальной виртуальной реальности *«И жили они долго и счастливо»* (бренд Королевства) – мужчины, женщины и дети становятся частью нашего мира и нашей жизни.

Посетителям накрывают столы в огромных помещениях, богато украшенных гобеленами; они танцуют в бальных залах со сверкающими канделябрами; гуляют по потаенным тропинкам и находят спрятанные от посторонних глаз сады; вооружаются шпагами, сражаются с колдунами, убегают из подземных темниц, летают на спинах огнедышащих драконов – каждая секунда записывается на видео в высоком разрешении, и по окончании дня посетители Королевства могут купить полнометражный фильм-фэнтези, в котором они исполняют, в зависимости от личных предпочтений, роль главного героя или главного злодея.

Семь спален Замка необычайно красивы – изящные кровати с балдахинами, огромные арочные окна, шкафы из кедра с атласной отделкой, но мне больше по сердцу простота нашего настоящего дома: неотмеченное на карте двенадцатиэтажное строение на северо-западной окраине Королевства, через лес за парковкой служащих и по дороге в Страну Зимы, на тысячном акре парка, на замершей арктической земле. Первые одиннадцать этажей занимают офисы служб – службы эксплуатации, безопасности, отдел стратегического планирования и развития

бизнеса, кастодиальный и кадровый отделы. Мы с сестрами живем на двенадцатом этаже. Наш общий дом прост, но уютен: одна комната с чистыми белыми стенами и шкафами, семь опрятных кроватей, оборудованных устройствами для контроля нашего пульса, температуры, подачи кислорода, кровяного давления и других жизненно важных функций во время нашего отдыха, и одно окно, из которого видно чудесное поле пурпурных и голубых цветов, расцветающих прямо за биологически опасными мусорными контейнерами.

Скромная жизнь, как говорит наша Мама, но счастливая.

Наконец, часы бьют девять. Ворота медленно открываются. И мы выходим на солнечный свет в прекрасных платьях, мерцающих, как мириады звезд, для нашего первого из нескольких утренних приветствий посетителей нового дня.

«*Надежда*», – шепчет Ева, наша старшая сестра, кареглазая, с серебристыми волосами, первая модель принцессы и первая Волшебница, которая носит специальную тиару, полученную в день празднования двухсотлетия парка, – маленькую сапфировую птичку, вырезанную в хрустале. Она смотрит на меня, но я отворачиваю лицо. Я намеренно избегаю ее с тех пор, как Супервизоры дали ей право первенства в ежедневном ритуале выбора платья, и сегодня она, конечно же, выбрала изящное лавандово-желтое испанское кружево, мое любимое. «*Благодарность*».

«*Благодарность*», – мягко повторяем мы все, хотя я немного стиснула зубы, произнося это слово.

Ния с силой сжимает мою руку, прежде чем позволить мне идти. Я поворачиваюсь к ней, но взгляд ее глаз цвета морской волны уже далеко, она удаляется от меня, и все, что я вижу – это неясные очертания растрепанных ветром темных волос и струящееся серебристое шелковое платье от-кутю, похожее на переливающуюся рыбу чешую в ослепительном блеске солнечного света. Ей дали имя мифологической русалки племени маори – Пания, сокращенно Ния. Моя любимая сестра проводит почти все дни, очаровывая публику в лагуне русалок Страны морей, распевая песни, танцуя и ныряя в прохладные изумрудные глубины.

Однако сейчас, наблюдая за ней, я замечаю, что ее плечи напряжены, она натянуто улыбается, и ощущаю, что в моей операционной системе рождается вопрос.

Но пока я не могу оформить его в слова.

Я вижу, как Ния идет сквозь толпу, потом поворачивается, чтобы посветить на гостя. И это – последний раз, когда мы были вместе, до наступления ночи.

6

Корпорация «Королевство», рекламный ролик 92, «Храбрая девочка»

НАТ.

Ролик начинается с того, что страшный огнедышащий дракон пытается съесть двух принцесс в башне замка. Два рыцаря скачут на лошадях, высоко подняв шпаги, и кричат:

ХРАБРЫЙ РЫЦАРЬ 1

(Очень громко)

Не бойтесь, сказочные принцессы! Мы вас спасем!

НАТ.

Камера внезапно переключается на реальность: призрачный задний дворик ресторана на дереве, скользкий ров вокруг и маленькая игуана (дракон), спящая на залитом солнцем подоконнике. Две храбрые маленькие девочки, одетые в костюмы Юми™ и Зара™, дополненные *настоящим* японским кимоно и нигерийскими ожерельями из бус, исполняют невероятные тройные сальто, выпрыгивая из окна ресторана, и приземляются, как настоящие гимнастки, перед двумя маленькими мальчиками, одетыми принцами. Мопс и золотистый ретривер («боевые кони») стоят рядом с ними.

МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК 1

(Потрясенное лицо. Его игрушечный меч неловко падает к ногам.)

А?

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА 1 [ЮМИ]

(Со скрещенными на груди руками.)

Да ладно вам, мальчики. Все знают, что принцесс не надо спасать.

Девочки обмениваются понимающими взглядами, потом прыскают со смеху, увидев «боевых коней», и убегают со сцены. Ролик продолжается под всемирно известный хит Давида «Grave Girl» («Храбрая девочка») эмоциональным, воодушевляющим коллажем сильных девушек со всего мира (спортсменок, танцоров, музыкантов, артистов, ученых и т. д.). В конце ролика показан фейерверк, озаряющий ночное небо, и панорамная приближающаяся съемка крытого перехода в замке, где семь идеальных девочек в сверкающих платьях стоят вместе, держась за руки.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Зовет всех храбрых девочек.

Замок ждет вас!

Королевство.

Будущее – за Волшебницами™.

Мое приложение «Королевство»

Определите Вашу любимую Волшебницу™!

ТЕКУЩИЙ РЕЙТИНГ ИГРОКОВ

	ЗАРА	КАЯ	ЗЭЛ
КРАСОТА	☐	☐	☐
ДОБРОТА	☐	☐	☐
РАЗГОВОР	☐	☐	☐
КРОТОСТЬ	☐	☐	☐
ПЛАТЬЕ	☐	☐	☐
ГОТОВНОСТЬ ПОМОЧЬ	☐	☐	☐
ОЧАРОВАНИЕ	☐	☐	☐
ПАМЯТЬ	☐	☐	☐
УЛЫБКА	☐	☐	☐
МИЛОВИДНОСТЬ	☐	☐	☐
ЛИЦО	☐	☐	☐
ВНИМАТЕЛЬНОСТЬ	☐	☐	☐
ТЕЛО	☐	☐	☐
ЭМОЦИИ И ЧУВСТВА	☐	☐	☐
НЕЖНОСТЬ	☐	☐	☐
ПОСЛУШНОСТЬ	☐	☐	☐

7

Разговор после судебного заседания

[00:04:11–00:04:21]

Д-Р ФОСТЕР: Похоже, ты многому научилась в заключении.

АНА: О да. Например, Вы знали о том, что если смешать виноградное желе с кетчупом, то получится довольно вкусный маринад?

Д-Р ФОСТЕР: Маринад?

АНА: Ну да, больше похожий на кисло-сладкий соус. К цыпленку.

Д-Р ФОСТЕР: Понятно. Что еще ты узнала?

АНА: Попкорн со вкусом чеддера, размоченный в воде, по вкусу очень похож на яичницу-болтуню. В магазинах для заключенных он продается мешками.

Д-Р ФОСТЕР: Похоже, ты изменилась, Ана.

АНА: Обвинение в убийстве сильно меняет человека, д-р Фостер.

8

Октябрь Североафриканского конгони Двадцать три месяца до суда

Часы перетекают в дни, а дни – во времена года. Для меня и моих сестер зима, весна, лето и осень летят в Королевстве, как семена одуванчика по ветру; и вопрос, который формировался в моей голове, тревожный сигнал о том, что с Нией что-то не так, растворился в сумерках, потому что только в темноте я могу чувствовать себя совершенно спокойно.

За день он исчез совсем.

В нашем плотном графике выступлений и парадов есть перерывы, когда мы вольны гулять, где хотим; тридцать минут здесь, час – там; я провожу свое утро, гуляя, по большей части, по мощенным булыжником улицам Волшебной Земли, где воздух наполнен сладкими запахами молока и выпечки, посещая все мои любимые достопримечательности. Такие места, как Роял Палм, где я впервые ощутила теплоту, когда наблюдала, как мать успокаивает своего плачущего ребенка. Не такую теплоту, которую обычно фиксируют датчики тепла в моей коже, а теплоту, идущую изнутри, согревающую, подобно солнечным лучам. Я захожу в Павильон сказок, перед которым впервые ощутила невероятный трепет в груди, увидев, как двое посетителей со слезами на глазах заново дают друг другу свадебные клятвы. Или иду на перекресток на углу Бинсток и Вайн, где я впервые ощутила непередаваемую легкость, когда спасла маленького мальчика, вылезшего на трамвайные рельсы. Было такое ощущение, словно я превратилась в легкое перышко и улетела с ветром.

Несколько дней я сочиняю песенки о том, что вижу.

«Колодец, где загадывают желания и куда я однажды упала и нашла медную монетку!»

«Кондитер со своими шоколадными плюшками, который никогда не здороваётся!»

Сегодня, пока я работала на чайных церемониях и парадах, я проверяла себя на знание деталей, которые большинство посетителей и не подумало бы заметить. Королевство является как бы продолжением меня самой – каждый человек, место и вещь являются частью меня, также как и мои руки, мои мысли, мое быющее сердце. Я знаю запах каждого цветка. Форму каждого камня. Мелодию каждой песни. Я знаю, что высота Железного Великана более тысячи футов, что составляет девяносто этажей – это самые высокие в мире американские горки. Я знаю, где найти самые красивые лунные камни в Звездной Стране – это настолько реалистичная имитация межзвездного пространства, что теперь даже NASA использует нашу технологию для обучения своих астронавтов. Я знаю названия каждого генномодифицированного создания в Стране Джунглей, растений и видов животных в биолюминесцентном тропическом лесу Королевства, которых не найти на планете, потому что их там больше нет. Я знаю день рождения каждого малыша в питомнике экзотических видов Воображаемой Страны, где ученые Королевства дают свободу своей фантазии, создавая такие красочные гибридные виды, какие Матушке-Природе и не снились. Полосатые, как зебры, слоны. Зубастые, как кошки, совы. Быстрые, как гепарды, волки. Арабские скакуны с огромными крыльями невероятно красивых бабочек.

Мы называем их слепнями.

Я даже знаю до шажочка каждое место около парка (а их там полно), где радиосигнал Королевства ослабевает настолько, что на короткое время утрачивается возможность его прямой трансляции, а сетевые подключения выходят из строя. Мама, конечно, этого не одобрит, но мы с сестрами часто делимся друг с другом координатами таких мест, когда в течение дня кому-то из нас нужно уединиться. Места вроде Сказочного Леса, где деревья настолько высокие и толстые, что буквально блокируют сигнал. Стадион Морская Пучина, где Wi-Fi беспо-

коит китов. Дальше на север есть Арктический домик и рядом – Звездная обсерватория, где высоты такие большие, а температуры настолько низкие, что даже самые продвинутые роутеры там постоянно замерзают. И, конечно, лес за обителью Волшебниц, где крысы исцарапали, изгрызли и чуть ли не разодрали на куски все камеры видеонаблюдения в радиусе мили.

Однажды я подслушала, как один подсобный рабочий рассказывал другому о том, почему бесполезно изводить этих крыс. Оказывается, крысы разбивают камеры потому, что достают из них туго смотанные провода, которые затем раздирают на кусочки, чтобы строить из них гнезда и растить в них птенцов. И поэтому бесполезно делать что-либо, чтобы помешать им.

Но иногда я думаю, что за этим стоит нечто большее. Иногда мне кажется, что крысы научились видеть себя в линзах и узнавать собственные отражения. И мне кажется, это делает их безумными.

Я подглядываю иногда за ними ночью: мечутся по углам, снуют вдоль водосточных канав, исчезая в темноте, как если бы они были ее частью. Королевство делает все, чтобы контролировать проблему, но со временем крысы выработали потрясающую нечувствительность к ядам, и все усилия, чтобы истребить их, редко дают хоть какой-то результат.

К счастью, днем они прячутся и остаются в канализационных каналах под парком, куда Мама не разрешает нам ходить, потому что это слишком опасно.

Ева говорит, что она там, конечно, была. Она говорит, что ей нравится чувствовать холодный влажный воздух подземелья. Слушать эхо собственных шагов, когда она ступает по гладкому бетону. Зрелище тлеющих угольков в мусоросжигателе.

Они такие красивые, Ана. Как маленькие сверкающие звезды.

Я думаю, Ева лжет.

Потому что эти крысы, они совсем нас не боятся. Они не распознают наш запах. И они непредсказуемы. Дикие звери не уважают законы Королевства, как это делают наши гибридные животные.

Это те законы, благодаря которым мы живем в безопасности.

После ежевечерней молитвы и поминания Алисы я забираюсь в кровать в ожидании Мама, которая меня уложит. Когда она, наконец, встает надо мной, когда я чувствую знакомое натяжение шелковых наручников, стягивающихся на моих запястьях, я закрываю глаза и делаю глубокий вдох, очищающий меня от всех тревог дня, как летний дождь.

«Ана?» – шепчет Ния, когда Мама ушла. Я поворачиваюсь, пытаюсь разглядеть ее в темноте.

«Почему зарюшки не покидают свои гнезда?» – шепчет она. Ее темные волосы волнами разметались по подушке. Я могу расслышать, как она позвякивает шармами на любимом браслете. Морская раковина. Дельфин. Маленькая золотая рыбка. – «Почему они не улетают, Ана?»

Я знаю, о чем она на самом деле спрашивает.

Почему мы никогда не покидаем это место?

Много лет назад мы с сестрами придумали новый способ общения – наш собственный секретный язык, – чтобы свободно общаться на запретные темы и чтобы Супервизоры не могли понять нас.

Супервизоры *всегда* нас прослушивают.

Всегда наблюдают за нами через наши же окуляры, напрямую транслирующие сигналы.

Всегда следят за нами с помощью чипов GPS-навигации, вживленных в наши запястья.

«Потому что они выют гнезда», – шепчу я в ответ. «Потому что гнезда обеспечивают их безопасность».

Потому что мы любимы. Потому что мы были избраны.

И еще, конечно, потому, что я не произношу вслух: *из-за того, что случилось с Алисой.*

Ния еще новенькая – она живет с нами всего тринадцать месяцев, с сентября Дарвиновской лисицы – поэтому я понимаю, что ее любопытство совершенно естественно. Уроки Алисы еще не усвоены.

Раньше я тоже иногда уставала от одних и тех же песен. Одних и тех же неуправляемых детей. Одних и тех же мужчин, которые заглядываются на других женщин, пока их жены не видят. И все же вопросы Нии всегда оставляют во мне ощущение дискомфорта. Как легкое жжение под кожей, ледяной жар, расходящийся по венам каждый раз, когда я подхожу слишком близко к границам парка, слишком близко к шлюзу.

«Но если они не могут найти достаточно еды, как они переживают зиму?»

Если люди за пределами Королевства так бедны, на что они покупают билеты в парк?

«Они собирают зерна на много сезонов, Ния. Понятно?»

Я надеюсь, что однажды она научится не думать о мире за границей парковки, за пределами Зеленого Света, как научилась я. Пропускные пункты и трущобы. Жестокость и нищета. Коррупция и страх. Истории, которые рассказывали нам Мама и Папа, истории, которые мы никогда не рассказываем нашим гостям, так много работавшим и стольким пожертвовавшим ради того, чтобы увидеть нас, слишком ужасны, чтобы их вспоминать. А мы, будучи Волшебницами, не должны иметь ничего общего с насилием и страхом, уродством и ужасами.

В моем Королевстве «И жили они долго и счастливо» не просто обещание, это – правило.

Именно поэтому каждый раз, когда моя маленькая сестричка плачет от того, что вода в Лагуне русалок слишком холодная, или от того, что каждое утро у нее на запястьях появляется раздражение, я напоминаю ей о том, как нам повезло и как нас любят.

«Но откуда медведь *знает?* – спрашивает Ния шепотом. – Откуда медведь знает, что мед сладкий, если он никогда не находил улей?»

Откуда ты знаешь, что это настоящая любовь, если ты никогда не любила прежде?

«Это просто, – я поворачиваю свои запястья в прикроватных наручниках так, чтобы дотронуться в темноте до ее руки. – Если бы он не был сладкий, все пчелы улетели бы прочь».

Если бы они не любили нас, они бы никогда не построили шлюз.

9

Справка для суда № 19А

От кого: Наблюдатель 1А – Подразделение Волшебниц

<proc1A@kingdomcorp.com>

Кому: Всему персоналу – Отделу безопасности & Отделу учебной подготовки
<stdirect@kingdomcorp.com>

Тема: Ана

Дата & Время: 8 сентября, 14:32

Ана демонстрирует уникальную тягу к природе, проводит большую часть своего свободного времени, общаясь с ранее исчезнувшими биологическими видами парка [разговаривает с ними, поет им песни, причесывает, кормит, реагирует соответствующими параметрами на их программируемые эмоциональные отклики – привязанность, страх, удовольствие, боль и т. д.].

На сегодняшний день, несмотря на то что это предпочтение не оказывает негативного влияния на ее общий рейтинг Волшебницы (она постоянно набирает баллы в диапазоне от 3,4 до 5,6), я предлагаю рассмотреть возможность использования ее пристрастия к животным в качестве мотивационного вознаграждения для повышения уровня ее взаимодействия с посетителями и дальнейшей поддержки ее социального развития.

10

Протокол судебного заседания

МИСС БЭЛЛ: Г-н Касей, будьте добры, снимите шляпу.

Г-Н КЭМЕРОН КАСЕЙ, бывший главный дрессировщик корпорации «Королевство», программы гибридных и ранее исчезнувших биологических видов: Да, мэм. Извините. Извините, Ваша честь.

СУДЬЯ: Мисс Бэлл, продолжайте.

МИСС БЭЛЛ: Г-н Касей, как долго Вы работали в Королевстве?

Г-Н КАСЕЙ: Меня взяли на работу сразу после магистратуры, значит, больше десяти лет.

МИСС БЭЛЛ: И в течение всего этого времени Вы работали только дрессировщиком?

Г-Н КАСЕЙ: Да.

МИСС БЭЛЛ: Это то, чем Вы всегда хотели заниматься? Работать с животными?

Г-Н КАСЕЙ: Всю свою жизнь.

МИСС БЭЛЛ: С какими-то определенными видами животных?

Г-Н КАСЕЙ: В основном, с хищниками. Медведи. Волки. Большие кошки – тигры, львы, леопарды. Мне нравится, что с ними шутки плохи. Никто не говорит им, что нужно делать.

МИСС БЭЛЛ: А Вы разве не говорили им, что делать?

Г-Н КАСЕЙ: Хм, да...

Г-Н РОБЕРТ ХЭЙЗ, ведущий юрисконсультант корпорации «Королевство»: Протестую. Какое это имеет отношение к делу?

СУДЬЯ: Принято.

МИСС БЭЛЛ: Г-н Касей, во время работы Вы когда-нибудь были сильно травмированы?

Г-Н КАСЕЙ: Нет. Животные на меня рычали, бодали, кусали, царапали, но никогда ничего серьезного. Я растил этих гибридов с пеленок. Они уважали меня. Доверяли мне. Они *любили* меня.

МИСС БЭЛЛ: Другими словами, Вы верите в то, что все гибридные животные парка могут иметь чувства? Вы верите, что они способны любить?

Г-Н КАСЕЙ: Я имел в виду, что они знали, что должны мне подчиняться.

11

Ноябрь Белого медведя Двадцать два месяца до суда

Гора высокая, но мы все равно поднимаемся; вершины нависают над нами, пока мы преодолеваем подъем к высотам Сахарной Вершины – знаменитому альпийскому пику Страны Зимы. Здесь любители острых ощущений могут кататься на любом уровне сложности: тут есть очень комфортные трассы для начинающих, покрытые мелким сахаром трассы для сноубордистов, коварные трехполосные «черные» трассы – настоящая зимняя страна-сказка, которую большинство людей, живущих за пределами Королевства, никогда не видели и никогда больше не увидят.

Говорят, что там, за границей Зеленого Света, стало слишком тепло, чтобы выпадал снег.

«Сколько еще нам подниматься?» – шепчет Кая, хотя она и сама видит вершину. В лавандовом отблеске сумерек она выглядит как ангел, в красивом сердцевидном вырезе ее платья поблескивают крошечные бледно-розовые хрусталики.

«Уже почти пришли», – говорю я, сожалея о том, что Ния не пошла с нами. Но ее никогда так не интересовали новорожденные детеныши гибридов, как меня.

Я вдыхаю морозный воздух, доносящий вкусный запах горячего шоколада. В сотнях футов под нами посетители скачут по снегу на серых в яблоках исландских пони и потягивают горячий шоколад в уютных шале на горных склонах. Они купаются в горячих биосферных источниках, катаются на коньках по затянутым льдом прудам и нежатся в Хрустальном Шато – роскошном спа-отеле, сделанном из льда. Даже ночное небо здесь выглядит волшебным – имитация солнечного спектра из цветов электрик и плазменно зеленого, вспышки которого танцуют и кружатся над головой.

Я еще раз бросаю взгляд вниз и слышу предупредительный сигнал в своей системе.

Трудно поверить, что так далеко внизу, спрятанный в этих снегах, затаился дикий зверь – создание, которому здесь не рады. Маленький облезлый волк – так сказал один из охранников, не подозревая, что я его подслушиваю. Или, может быть, лиса. Бешеный. Безумный. *Опасный.*

Должно быть, прорыл дыру где-то в иллюзе. Испытывает на прочность все это чертово ограждение.

Я максимально увеличиваю дальность видения линз, тщательно сканируя горный склон, хотя не могу сказать, зачем я это делаю. Когда взгляд выхватывает несколько маленьких, но ясно различимых силуэтов животных (вроде бы кролики) и красный след, ведущий в заснеженный лес, я шумно охаю и держусь поближе к Кае. Мое тело выдерживает температуры гораздо более низкие, чем возможны на Земле, даже ниже, чем температуры самых холодных ночей в Антарктиде до эпохи таяния ледников, но сегодня ночью я вся дрожу, и вовсе не из-за холодного воздуха. Причина – мысли о желтых светящихся *диких* глазах, преследующих нас в ночи сквозь деревья.

Я делаю несколько глубоких вдохов и напоминаю себе о том, что, как только мы придем в нужное место, все позабудется.

И, наконец, мы видим... *его.*

Ursus maritimus.

Белый медведь.

Первый белый медведь за последние сорок лет.

Королевство, знаменитое своими передовыми научными исследованиями, суперсовременными интерактивными технологиями и глубокой приверженностью идее биологической консервации, не только несет ответственность за самые большие и лучшие в мире аттракционы.

Оно посвящает себя миссии восстановления на Земле наименее защищенных видов и подвидов животных, многие из которых уже исчезли из естественной природы. Все годы с момента моего приезда, с июня Пятнистой Совы, группа ученых международного уровня ежемесячно восстанавливает в Королевстве по одному виду из ранее исчезнувших.

Птицы. Рыбы. Амфибии. Млекопитающие. Сумчатые. Рептилии.

У нас есть даже динозавр, пусть и маленький, размером с цыпленка.

«Думаешь, г-н Касей позволит нам войти?» – спрашиваю я Каю. Над головой блещут звезды, и в парке начинают звонить колокола, возвещающие об окончании дня. «Уже пора закрываться».

Темноглазая Кая жмурится. Она не любит высоту. «Он сказал мне прийти поздно, – говорит она. – И велел привести друга».

Не могу объяснить, почему меня так радует медведь – я одинаково ценю всех животных, – но что-то в его появлении есть особенное, что-то необыкновенное. Может быть, дело в сказке, которую Мама читала нам много лет назад. О принцессе, которая мечтала о золотом кольце, и о белом медведе, который приносил его ей. Или, может быть, это чувство рождается из воспоминания о последнем, ранее исчезнувшем виде в Стране Зимы – единороге, который умер до достижения зрелости, и теперь этот детеныш белого медведя дает ощущение нового начала.

Когда двери лифта открываются, мы с хрустом ступаем на искусственный снег и идем к Арктическому домику, где уже нет посетителей. И когда раздвигаются стеклянные двери, я проникаюсь уверенностью, что детеныш белого медведя – это самое красивое существо, которое я когда-либо видела.

Он там, дремлет на выступе скалы сразу за стеклом, его гибридная шуба такая невероятно белая, словно он сделан из снега.

Мне понадобилось три секунды, чтобы запомнить каждую его деталь – маленькие квадратные лапы, нос в форме сердечка, толстый животик, который мягко раздувается при дыхании. «Привет, малыш, – шепчу я, прижимая ладони к ледяному стеклу. – Будешь моим другом?»

«Привет! Смотрите, кто пришел!» – раздается внезапно голос позади нас. Я сразу же узнала, чей он. Это – Кэмерон Касей, дрессировщик зверей из Техаса. Волосы у него шоколадного оттенка, глаза – цвета изумрудного поля, а улыбка настолько яркая и такая симметричная, что с трудом верится, что так на самом деле бывает. «Леди, вы припозднились, – говорит он и подмигивает мне, когда наши глаза встречаются. – Я уже решил, что вы не придете».

«Даже чудесам нужно немного времени», – отвечает Кая, взмахивая ресницами.

Это клише, но г-н Касей смеется так, словно впервые услышал эту фразу. «А ты с характером, Кая», – говорит он и целует ее в щеку.

Она хихикает. «Чтобы летать, необязательно иметь крылья».

Она хорошая девочка, эта Кая, но, как и все устаревшие модели, постоянно проговаривает одни и те же фразы вместо того, чтобы придумывать собственные; из-за этого она стала самой популярной принцессой среди маленьких посетителей парка, детей до 7 лет.

Иногда, пока она не слышит, мои сестры говорят о ней жестокие вещи.

Что ее аппаратная часть неисправна. Что ее процессоры тормозят.

Или еще что похуже.

«На своих сезонных совещаниях Инвесторы не высказываются против ее болтовни», – услышала я однажды от Евы, когда она облачалась в вечернее платье иллюзорно-голубого цвета – он менялся в лунном свете. «Хотя, вероятно, они здесь много и не разговаривают, – смеется она. – Во всяком случае, не говорят того, что Кая могла бы *запомнить*».

Я не уверена в том, что Кая вообще что-то запоминает, но я не считаю, что она медленно соображает. Я думаю, что она умнее всех нас и любит перестраховываться. Кроме того, Ева должна быть осторожна в выборе слов и думать о том, что говорит. Из нас семерых ее техни-

ческое решение – самое старое, и поэтому вероятность ее отказа максимальна. Если кому и требуется полная переустановка системы, так это ей.

Г-н Касей резко повернул голову в мою сторону. «Почему ты не привела с собой ту сексуальную русалку, Панию, вместо *этой* девочки?» – спрашивает он Каю тихим голосом. Но не настолько тихим, чтобы я не услышала. У меня исключительный слух, лучше чем у любого человека или зверя.

Меня не волнует, что г-н Касей предпочитает Нию – в этом сезоне ее серебристое шелковое платье выглядит просто потрясающе – хотя мне никогда не понять, что так привлекает людей в русалках. В мифологии русалки – это не миловидные, теплые или нежные создания; это монстры, соблазняющие моряков своей красотой и утягивающие их в морскую пучину, чтобы мучить их там. Топить их. *Пожирать* их.

«Он потрясающий», – громко говорю я, натягивая улыбку в надежде вернуть г-ну Касею хорошее настроение. Мы хорошо умеем это делать: отвлекать внимание, задабривать, чувствовать настроения людей. – «Сколько ему, вы говорите?»

Это работает. Г-н Касей расслабляется. Что бы там ни говорили, но г-н Касей любит свою работу. «Всего четыре месяца. Чертеночек объелся нерпой. Поэтому он в отключке. Но не волнуйтесь, скоро он проснется и начнет клянуть еду снов». Внезапно он прильнул к стеклу. Я проследила за его взглядом и заметила сгорбившегося подсобного рабочего внутри ограждения, сгребавшего лопатой грязный снег в люковый затвор печи, которая, как я знаю, используется для сжигания мусора и находится в сотнях футов под парком. «Эй! *Чен!* Не забудь обработать воду. Она выглядит зеленой, а новые команды придут сюда на рассвете».

Тотчас же я замечаю темные злые глаза юноши. Маленький шрам над верхней губой. Черные волосы, поблескивающие в свете, как вороны перья. Что-то в его облике кажется мне знакомым, хотя я уверена, что он новенький.

Как-никак, я никогда не забываю лица.

«Ты слышал, что я сказал?» – г-н Касей вскидывает руки, видя, что мальчик просто смотрит на него в упор.

Наконец юноша кивает. «Я слышал вас», – говорит он. Его голос приглушается стеклом. На секунду наши взгляды встречаются. Мое приложение распознавания лиц обычно не работает на таком большом расстоянии, но на сей раз, к моему удовольствию, после сканирования радужных оболочек его глаз мне выдается идентификационный номер.

Корпорация «Королевство»

Имя: Оуэн Чен. ID: 9-01-3-7219

Команда: Обслуживание

Уровень допуска к секретной информации: 10

Я моргаю.

Подсобные рабочие, как правило, имеют уровень допуска не выше пятого.

Это неожиданно.

В моей голове закружился вихрь вопросов, но я отвлекаюсь: медведь зашевелился. Он зевает, потягивается и открывает глаза – бледно-голубые, прозрачные, как окружающий его лед.

«Прекрасно, – говорит г-н Касей. – Маленький меховой колобок наконец-то проснулся. Я мигом».

Он исчезает, ныряя в ограждение, вновь появляется по ту сторону стекла и вытаскивает детеныша. Через секунду он возвращается с ним на смотровую площадку. «Съешь свое сердце, Принцесса», – говорит он, опуская его мне в руки, как маленький снежный мешочек.

На мгновение все, что я могу делать – это смотреть на детеныша. На его идеальный носик, идеальный рот, идеальные лапы и идеальную мордочку. Он обнюхивает меня, словно говоря «Привет!».

«*О господи*», – шепчу я, пряча лицо в очень мягком, черно-белом пушке под его подбородком. Кая суетится вокруг меня. Но отрицательно мотает головой, когда я предлагаю ей поддержать его.

«Я уроню его», – говорит она и хихикает.

«Ладно, – говорит г-н Касей через несколько минут и забирает детеныша из моих рук. – Время игр окончено». Прежде чем я успеваю с ним попрощаться, он хватается малыша за шкуру, от чего тот просыпается, и возвращает его за ограждение.

«Вы не должны так грубо с ним обращаться, – говорю я, когда он возвращается. – Он еще совсем малыш».

На лице г-на Касей промелькнула тень. «Неужели? – подчеркнуто медленно говорит он, и в его словах я ощущаю смертельный холод. – Ты собираешься учить меня, как я должен делать свою работу, а?»

«Она не это имела в виду, – быстро говорит Кая. – Когда идет дождь, смотрите на радугу!»

В тусклом арктическом свете глаза г-на Касей вспыхивают янтарным цветом, и мне внезапно вспоминается бенгальский тигр, которого он однажды отхлестал за то, что тот посмел рычать на него во время представления. Воспоминание вызывает в груди странное, некомфортное чувство. Тяжесть, давление, словно меня медленно выжимают.

Вскрикивающие посетители, несущиеся в первом большом аттракционе «американские горки».

«Извините, – говорю я, – Кая права. Я не это имела в виду». Мое дыхание сбивается, и в голове появляются странные мысли, беспорядочный калейдоскоп образов и звуков, который я не могу остановить.

Гроза обрушивается на нашу спальню, ветви царапают крышу, как когти зверя.

Г-н Касей хватается мою руку и сжимает так сильно, что я вскрикиваю. Не потому что больно – Волшебницы не могут чувствовать боль, только давление, а потому что внезапное движение напугало меня. Он не должен ТАК трогать нас. И он знает это. «Пожалуйста, г-н Касей. Прекратите». Он отпускает меня, и я падаю на пол в облако английского тюля бледно-желтого цвета, несущего всюду за мной солнечный свет, тюля, который поддерживает мою руку, как сломанное крыло.

Искусственный хвост русалки у Ниш; сверкающий, блестящий; как переливающиеся на солнце бриллианты.

«Ну, успокойся, пожалуйста, – говорит он. – Господи, я просто пошутил. Не надо делать из мухи слона».

Я быстро задаю поиск выражения «*делать из мухи слона*» – идиомы часто ставят меня в тупик, но сигнал Королевства здесь, так высоко в горах, прерывистый, и мне возвращается результат: «*Поиск не выполнен*».

Г-н Касей подходит ближе, нависая надо мной. «Вы, Волшебницы, такие гадкие, ты знаешь? Все вы, каждая из вас. – Уголки его губ изгибаются в ухмылке, от которой у меня в ужасе перекручивает живот. – Хорошо, что на вас так приятно смотреть, иначе бы я собственноручно вас всех поубивал».

Словно далеко-далеко, в моих ушах мягко зазвенел колокольчик предупреждения.

Порядок. Чудо. Красота. Послушание. Безопасность.

Я ощущаю тесноту в груди.

Его слова – угроза безопасности.

Незамедлительно я переключаюсь в Безопасный Режим, вручную задаю настройки, снижающие скорость работы процессора, и отключаю все вспомогательные приложения – запах,

слух, речь и реакторы центра страха, для того чтобы в стрессовой ситуации сохранять невозмутимость. Как объясняла нам Мама, чем менее мы уравновешены, тем больше подвержены риску повреждения.

«Спасибо, что позволили нам увидеть детеныша, – говорю я спокойно, поднимаясь на ноги. – Нам пора возвращаться в Волшебную Страну, а не то...»

«Подожди, – прерывает меня г-н Касей. – Я хочу показать тебе кое-что. – Его улыбка становится шире. – Внизу. В VIP-кабинете».

Он берет меня за руку, *но, к моему удивлению*, Кая делает шаг вперед. «Я пойду с вами, г-н Касей».

Я хмурюсь. Что она делает? «Кая, – говорю я мягко, пытаюсь поймать ее взгляд. – Нам пора идти. Мама будет беспокоиться».

«Помогая другим, – сладко улыбается она, – мы помогаем себе».

Г-н Касей переводит взгляд с меня на нее. «Все равно, – наконец мямлит он, беря Каю за руку. – Это ничего не меняет».

Я смотрю, как они исчезают в глубине темного коридора, его рука лежит на ее спине, и мой желудок скручивается, хотя я и не понимаю, от чего. Я говорю себе, что г-н Касей, вероятно, хочет показать Кае новый экспонат белуги. Или, может быть, представление пингвинов? Потом я вспоминаю: белуг обычно в это время кормят. А пингвины спокойно возлегают на скалах.

Когда я замечаю, что подсобный рабочий (г-н Касей назвал его «Чен») наблюдает за мной с другой стороны глубокого чистого пруда, предупреждающий колокольчик начинает громче звенеть в моих ушах. «*Это – неправильно*», – говорят мне его глаза.

Я прижимаю руку к груди, когда мой моторчик внезапно сбивается с ритма. И вдруг меня осеняет – я внезапно понимаю, для чего г-н Касей пригласил нас в Страну Зимы.

Добро пожаловать в Королевство...

Ваше желание для нас – команда к исполнению.

12

Разговор после судебного заседания

[00:11:09–00:11:10]

Д-Р ФОСТЕР: Вы спорили с Оуэном той ночью, когда он исчез?

АНА: Мы не спорили. У нас был разговор.

Д-Р ФОСТЕР: Очень эмоциональный разговор, как показывают записи с камер видеонаблюдения.

АНА: Он был расстроен.

Д-Р ФОСТЕР: Чем?

АНА: Тем, что случилось до этого.

Д-Р ФОСТЕР: Правильно. Посетительница сказала кое-что, да? Кое-что про тебя?

АНА: Да. Один из посетителей называл меня ужасными именами.

Д-Р ФОСТЕР: Что она сказала?

АНА: [Молчание]

Д-Р ФОСТЕР: Ана?

АНА: Она назвала меня монстром.

Д-Р ФОСТЕР: А почему, интересно, это так задело Оуэна?

АНА: Что Вы имеете ввиду?

Д-Р ФОСТЕР: Ну. . ты и *есть* монстр, в каком-то смысле. Разве Оуэн думал иначе?

13

Декабрь Гиацинтового ара Двадцать один месяц до суда

Я чувствую острую, как клинок, внезапную боль. Мои глаза начинают гореть.

Что-то сочится, нет, течет из моих глаз. Какая-то инородная субстанция – мокрая, теплая, соленая на вкус, когда попадает на губы, как морская вода из Лагуны Русалок. Я подношу трясущиеся руки к щекам и осторожно дотрагиваюсь до них.

Я плачу.

«Папа не должен это видеть, – резко говорит Ева, и я отворачиваю лицо к стене. – Плач – это не волшебну».

Я резко отворачиваюсь, жадно глотаю воздух. На секунду возникает ощущение, что руки г-на Касея трогают меня везде, пробегают сквозь волосы, ощупывают через ткань платья.

Я пытаюсь вздохнуть.

Он *не* трогал *меня*. ТАК не трогал.

Я думаю о Кае. Вспоминаю ее сладкую улыбку. Носик кнопочкой. Мягкий голос и блестящие глаза, большие и карие, как у косули. От воспоминания о том, как г-н Касей уводит ее вниз по арктическому коридору, на коже проступает липкий пот. Холодный.

Я никогда больше не позволю ему трогать ее.

«Ана? – в темноте рука Нии находит мою. – Ты в порядке?»

Я откидываюсь на подушку, тяжело дыша, с лихорадочно бьющимся сердцем – словно я бежала несколько дней. В каком-то смысле так и есть.

«Что случилось? – шепчет Ния. – Ты заболела?»

«Не думаю». Я подтягиваю колени к груди и дрожу. После того случая с г-ном Касеем мне каждую ночь снится один и тот же сон. И ночь за ночью, несмотря на все мои попытки, несмотря на все мои усилия бежать как можно быстрее, я не могу убежать от него.

Но не это пугает меня больше всего.

Хуже всего то, что я вообще вижу сны.

Я решаю поделиться своими тревожными наблюдениями с Папой во время регулярного утреннего осмотра. В конце концов, Волшебницы тоже могут ошибаться; время от времени нам требуется настройка.

«Ничего неправильного с тобой не происходит. Все прекрасно. Ты прекрасна», – улыбаясь, заверяет меня Папа. Его офтальмоскоп так ярко светит мне в глаза, что на секунду мне кажется, будто он может видеть мои мысли. «У тебя немного пониженный уровень железа в крови. Мы увеличим его дозу в твоём рационе и будем держать это на контроле. Но в остальном с тобой все в полном порядке. По крайней мере, физически».

Я киваю. «Спасибо!»

Он садится рядом со мной. «О чем ты думаешь, Ана?»

«Папа, я... – Я отвожу глаза от его озабоченного лица. – Я думаю, что сделала что-то такое, чего не должна была делать».

Папа морщит лоб. «Ты нарушила какое-то правило?»

Да. Нет. Это случилось не по моей вине.

Персоналу Королевства и Волшебницам запрещено взаимодействовать. Нам нельзя разговаривать. Я чувствую большой комок, застрявший в горле. Но правила не остановили г-на Касея. Что еще могло бы случиться, если бы Кая не согласилась идти вместо меня? Что еще мог бы он сделать? Внезапно во мне возникает новое чувство – словно опускается занавес, и я скрываюсь в тени – но дать ему название я не могу.

Я отвожу взгляд, не зная, что сказать, как. Не то чтобы я сделала что-то неправильное... *я чувствую* что-то неправильное, словно мой мозг не работает так, как должен, так, как всегда работал. Но как я могу объяснить это Папе? Как рассказать ему, что с некоторых пор в часы отдыха вместо того, чтобы обновлять свои приложения, или просматривать одобренную Королевством фильмотеку, или повторно сканировать свой архив произведений Шекспира, мой ум переносится в другой мир, полный страха, смущения и монстров собственного изобретения?

«Ана?»

Что-то со мной *точно* не так. Я знаю это. Какой-то исчезнувший нейронный путь; какое-то часто отказывающееся, неисправное соединение. Что-то такое, что я не могу контролировать, что исподволь, потихоньку меняет меня. Сама мысль об этом вызывает у меня слезы. Что очень странно, потому что *я не умею* плакать. Плач не является частью моей программы.

«Ана, ты меня слушаешь?»

Я поднимаю на него глаза и улыбаюсь.

«Мне уже лучше, Папа. Я не хотела беспокоить тебя».

Сон окутывает меня еще много часов, как низко стелящийся туман, через который даже солнце не может пробиться. Даже Ния не может его прогнать. Я взяла ее с собой в Страну Сафари, потому что знаю, как она любит это место; к тому же сегодня исполняется ровно год, как Ния приехала в Королевство. В самые оживленные часы работы парка, обычно с 9 до 18, Супервизоры просят нас не путешествовать вместе – в конце концов, Волшебниц всего лишь семеро на несколько тысяч посетителей, которые каждый день приходят посмотреть на нас. Но на этой неделе мой рейтинг был особенно высоким, и поэтому Мама сделала мне подарок: этим вечером мне разрешено провести ровно один час свободного времени с любой из сестер на выбор.

Конечно же, я выбрала Нию.

Сегодня я заметила, уже в который раз, что она ведет себя немного... необычно. Тихая. Апатичная. Интересно, ест ли она все, что ей дают?

Возможно, для моего *беспокойства* (так называется это ощущение?) нет никакой веской причины. Возможно, безмятежность саванны успокоит и мои чувства.

Но почти сразу я осознала, что *безмятежность* – неподходящее слово, во всяком случае сегодня.

«Здесь вы можете остановиться, чтобы понаблюдать за восстановленной природной средой Африки...» Вездеход, везущий нашу группу, движется медленно, и голос гида в громкоговорителе умолкает, когда мы внезапно останавливаемся.

«Смотрите». Он указывает на луг, где в рассеянной тени акаций пасется стадо зебр. С моего места в четвертом последнем ряду (Волшебницы должны всегда сидеть на самом верхнем ряду автомобилей – так поддерживается иллюзия нашего королевского статуса) я быстро определяю причину нашей остановки. В десяти ярдах от того места, где собрались зебры, притаились в засаде три львицы, их тела так прикинулись к земле, что я смогла разглядеть только кончики их хвостов среди гибкой травы.

«Мамочка, – шепчет мальчик в первом ряду, – эти плохие львы собираются съесть милых зебр?»

«Да, милый», – отвечает мать, наблюдая разворачивающуюся перед глазами сцену в особый бинокль, выдаваемый в Королевстве. «Но не волнуйся. Им не будет больно. Звери здесь ненастоящие».

Я поджимаю губы. Это правда, что звери не чувствуют боли, поэтому женщина права... но не до конца. Я опускаю взгляд на свои руки и смотрю на голубоватые вены, проступающие под кожей.

Так или иначе, но как определить, что есть *настоящее*?

Интересно, эта мать тоже, как и многие другие люди, считает, что методики, применяемые в Королевстве, неэтичны? Многие люди считают неправильным с моральной точки зрения возвращать к жизни исчезнувшие виды и делать это способом, предполагающим полное слияние природы и технологий. Полученные таким способом животные больше не могут относиться к чисто биологическим видам, но при этом и не являются технологическим продуктом; они – и то, и другое.

Гибриды.

Гид продолжает бубнить: «Все эти животные рождены под наблюдением ученых в рамках нашей передовой программы восстановления ранее исчезнувших видов...» Я слышала эту речь столько раз, что помню ее наизусть.

«Идешь? – шепчу я Ние. – Мы почти пришли». Но Ния не отвечает. Она слишком занята разглядыванием подростка, сидящего перед нами, зачарованного видом саванны и быстро делающего снимки камерой телефона.

Я перевожу взгляд с Нии на мальчика и обратно. Почему она так заинтересовалась его телефоном? Она, как и я, знает, что телефоны под запретом.

«Ну же, – я легонько толкаю ее локтем, – пошли».

«Я передумала, – спокойно говорит она, не отрывая глаз от мальчика. – Я могу пойти к источнику в другой раз. Ты иди сама».

Это неожиданно.

«Но сегодня твой особенный день. Я думала, ты захочешь провести его вместе со мной».

Ния вскидывает на меня глаза – такие чистые и яркие, что в них можно разглядеть собственное отражение. «Иди без меня, – говорит она. – Мы увидимся во время вечернего чаепития в Гостиной Розы Шиповника в четыре часа. Договорились?»

Я замечаю новое чувство в груди. Медленное, но ощутимое сжатие, как будто выпускают воздух из шарика.

Разочарование.

«Хорошо, – отвечаю я, всеми силами стараясь, чтобы голос звучал весело. – Это твой день. Ты и выбираешь». Лицо Нии просветлело. «Спасибо, Ана, – пожимает она мне руку. – Я знала, что ты поймешь».

Я изящно машу рукой группе туристов на прощание и осторожно спускаюсь к источнику. Может быть, все к лучшему, говорю я себе. Может быть, Ния больше не нуждается во мне так, как всегда нуждалась. Может быть, после стольких месяцев она, наконец, освоилась здесь в своей роли.

Может быть, я ей помогла.

Я делаю глубокий вдох. Эта мысль смягчает боль.

«Но мамочка, они же съедят ее! – слышу я голос того же мальчика, когда иду через саванну. – Львы съедят Ану!»

Я поворачиваюсь и одариваю его ободряющей улыбкой, приседаю в реверансе и иду дальше.

«Не бойся, малыш, – убеждает его гид. – Гибриды охотятся только на тех, на кого запрограммированы охотиться. Она в полной безопасности».

В безопасности.

Большой вопрос: а знаю ли я, что это слово означает на самом деле?

Вскоре меня отвлекает мягкое шуршание.

Развязка может произойти в любую секунду. Львицы остаются невидимыми в высокой траве. Я задерживаю дыхание.

Через мгновение вспыхивает коричневое пятно, мелькает сплетение изящных полосок, раздаётся грохот копыт. Поднимается густое облако пыли – рычание, ворчание, испуганное ржание и потом – гортанный, пронзительный крик.

Мальчик бросается в объятия матери и зарывается головой в ее живот.

«Вот так происходит естественный отбор в природе, – говорит гид, заводя двигатель автомобиля. – Самые быстрые зебры выживают, самые медленные...»

В перерыве между посещениями групп прибудет команда уборщиков, чтобы убрать все уцелевшие и годные к повторному использованию детали. Прежде чем они появятся (Волшебницы не должны взаимодействовать с травмированными субъектами из-за высокого риска повреждения), я подхожу к зебре или к тому, что от нее осталось – месиву из мускул, костей и порванной проводки, – и, тщательно просканировав местность вокруг на наличие львов, опускаюсь на колени. Боль пронзает мою грудь, когда я вижу россыпь пятен на переднем левом копыте животного – необычное генетическое изменение, которое отличало эту зебру от ее братьев и сестер. Ее звали EZ4310. Я знала ее с рождения.

«Твоя жизнь не была бессмысленной, – говорю я, склоняясь над ней, чтобы погладить ее по гриве. – Ты имела значение».

При звуке моего голоса зебра поднимает глаза на меня, и ее зрачки становятся большими, как блюдца.

Она все еще работает.

На последнем издыхании.

Я смотрю на ее конечности, перекрученные и разодранные. Трава смешалась с проводами и внутренностями. Земля, пропитанная густой, иссиня черной жидкостью, похожей на масло. Сидя рядом с зеброй, я наполняюсь новым чувством, словно в моей груди образуется глубокая трещина.

«Все хорошо, малыш, – шепчу я и беру ее голову в свои ладони. – Ты можешь уходить».

Зебра несколько раз моргает, и я вижу собственное отражение в ее теплых карих глазах. Потом, понемногу, ее взгляд уплывает куда-то далеко, словно она смотрит в небо сквозь меня. Наконец тело обмякает в моих руках.

Она ушла.

Моя грудь сильно болит, хотя я не знаю, отчего.

Ведь выключение и упокоение являются естественными этапами наших технологических жизней.

«Спокойной ночи, старый друг, – шепчу я, наклоняясь, чтобы поцеловать ее в нос. – Беги быстро на облака».

Громыканье джипа возвращает меня к реальности – команда уборщиков приближается, но когда я разворачиваюсь, мой взгляд выхватывает одного подсобного рабочего. Издалека, в тот момент, когда в его волосах играет солнце, он кажется черным отсветом за колесом. Я быстро вскакиваю на ноги.

Это тот же самый юноша, которого я видела в клетке белого медведя.

Оуэн Чен. ID: 9-01-3-7219. Уровень доступа: 10.

Когда его автомобиль останавливается, я внезапно чувствую спазм в животе от страха.

«Тебе нельзя находиться здесь, – говорит он, выбираясь из джипа. – Надеюсь, ты ничего не трогала такого, чего тебе нельзя трогать».

Моя улыбка меркнет. «Мне разрешено ходить везде, где хочется, в нерабочее время, – отвечаю я. – Я знаю правила лучше тебя».

Не могу поверить, что я ТАК сказала. Быстро меняю выражение лица с *нескромного на смищенное*, надеюсь, что не обидела его. Не хочу, чтобы он говорил Супервизорам о моем дерзком поведении.

К моему удивлению, он смеется. «Правда?»

Я киваю. «Я здесь живу всю свою жизнь. А *ты* – новичок».

Ну вот, опять. Этот самоуверенный дерзкий тон.

Что со мной происходит? Что-то сбилось во мне?

«Справедливо». Он пожимает плечами и, прежде чем подойти к останкам зебры, достает из заплечной сумки белые санитарные перчатки. «Тебе лучше идти, – говорит он, бросая взгляд на мое платье. – Оно может... испачкаться».

Я делаю несколько шагов назад, но продолжаю внимательно наблюдать за тем, как он начинает делать свою тяжелую работу, разбирая и очищая остов от тканей, органов и проводки. Я никогда раньше не наблюдала этот процесс настолько близко, и, хотя мне по-прежнему больно за EZ4310, не могу оторвать глаз. Я осознаю, сколько красоты в том, как детали гармонично подходят друг другу. Словно редкий сложный пазл. Проволочные пружины и металлические винты нижней челюсти. Гелеобразная жидкость, вытекающая из спинного мозга, – сверкающая и голубая, как биосферный источник. Изгиб костей и суставные ямки. Даже его блестящие карие глаза со встроенными камерами высокого разрешения, которые Супервизоры извлекут и будут использовать для изучения поведения животного.

Я знаю о них, потому что у меня есть такие же.

«Тебе помочь? – спрашиваю я, когда замечаю, что Оуэн с чем-то борется. – Я очень сильная».

«Нет, – бормочет он, не глядя на меня. – Достал».

Он долго тянет, кряхтит и режет, и, наконец, вытаскивает что-то из грудной клетки: толстая волокнистая мышца, покрытая иссиня-черной вязкой массой, напоминает перевернутую грушу.

Сердце.

«Зачем тебе это?» – спрашиваю я.

«В основном, для опытов. Здесь многие животные рождаются с дефектами в токопроводящих цепях. Это влияет на работу механизма «бей или беги». Он печально похлопал зебру. «Чисто».

«Ты уверен в этом? – говорю я. – Я знаю все об этих животных, но не знала, что...»

«Без обид, – он проскользнул мимо меня и начал переносить наполненные мешки в свой джип. – Вероятно, есть многое, чего ты не знаешь».

«Я знаю о волке, – выпаливаю я, прежде чем успеваю подумать. – Или лисе. Из леса».

Он поднимает глаза – их выражение невозможно понять. «Что ты слышала об этом?»

«Я слышала разговор охранников. Они говорят, что он бешеный».

«То есть ты подслушивала?»

«Что? – Его прямолинейность – *или это неприязнь?* – моментально смущает меня, и на секунду я задумываюсь, как ему лучше ответить. – Нет, – наконец отвечаю я. – Нет, я не подслушивала».

Во всяком случае, не намеренно.

Потом, чтобы убедить его в своей честности, добавляю: «Я сама видела. Что-то похожее на кровь на снегу на дороге, ведущей вверх в Страну Зимы. Кроличье семейство, думаю».

Оуэн молчал. «Ты не должна туда ходить».

«В Страну Зимы? Это мой дом. Я могу ходить, куда хочу, при условии, что к ночи возвращаюсь в спальню».

«Пока что, наверно, тебе нельзя. – Он пожимает плечами. – Одной нельзя. Там опасно».

«Смотрители найдут его. Здесь, в Королевстве, мы в безопасности».

«О как!» – мальчик мотает головой.

«Что?»

«Ничего, просто... кто-то тут слепо верит убеждениям».

Кулэйд.

Я сканирую свой беспроводной словарь, но мы находимся далеко от центра Волшебной Страны, и мой сигнал слаб. Поиск не выполнен. Одна попытка. Две попытки. Три попытки.

«Извини, – говорю я. – Что такое *Кулэйд*?»

Юноша разворачивается, и его глаза встречаются с моими. Мы стоим очень близко друг к другу, и я вдруг вижу, что они не просто карие, а с темным, землистым оттенком обожженной умбры. Странное сочетание деревьев, грязи и шоколада.

«Это просто выражение такое, – говорит он. – В смысле, *напиток*».

«А, – откликаюсь я. – Волшебницы пьют только воду, обычно в очень небольшом количестве».

«Нет, но это еще и... – Он вздыхает. – Не бери в голову. – Снимает перчатки и кидает их на заднее сиденье машины. – Я хотел сказать, что ты говоришь книжными фразами».

«Ты слишком много времени провел с г-ном Касеем. Королевство – безопасное и счастливое место, – повторяю я. – Красивое место».

Он делает выразительный жест в сторону зебры. «Это ты находишь тоже красивым?»

Я напоминаю себе, что он – новенький. «Животные умирают в природе каждый день, – объясняю я. – Точно так же и здесь. Это естественно. Но без Королевства они бы вообще не существовали. Наша работа по охране природы позволяет миллионам посетителей ежегодно праздновать, ценить и вдохновляться идеями защиты нашей естественной среды обитания. Это прекрасная система».

«Ничего красивого в том, что их органы отказывают, нет, – отвечает он. – Или в том, что у шестимесячных детенышей развивается лимфома. Или в том, что животные рождаются с генетическими отклонениями, которые обрекают их на пожизненные страдания, *если* им вообще позволяют жить».

Я сомневаюсь.

Откуда он знает так много о животных, если работает подсобным рабочим?

Лимфома. Отклонения. Страдания?

Эти слова я знаю, но лучше бы я их забыла. Больные дети часто приходят в парк, желая провести свои последние дни среди нас, Принцесс их грез. Я никогда не видела, чтобы гибридные животные, выращенные по программе восстановления ранее исчезнувших видов, так же страдали. Мы запрограммированы быть идеальными.

«Смотри, вот о чем я говорю». Он идет к ближайшему дереву акации и осторожно берет в сложенные чашечкой ладони бабочку. Возвращаясь ко мне, он раскрывает ладони. «Что ты видишь?»

«Бабочку, – говорю я, замечая ее красивые черно-оранжевые пятнышки, маленькие белые точки по контуру. – Монарх. Должно быть, она прилетела из заповедника Волшебной Страны. Этот вид полностью исчез двадцать лет назад. Но буквально на прошлой неделе появились тысячи новых. – Я скрещиваю руки. – Видишь? Если бы не Королевство, их бы не было».

«Правильно, – говорит Оуэн, – но погоди». Он жестом показывает мне, чтобы я раскрыла ладони, и потом аккуратно передает мне насекомое. Когда наши пальцы соприкасаются, слабый электрический разряд простреливает мою руку, и я вздрагиваю. «Смотри внимательней». Оуэн осторожно укладывает бабочку на бок и мягко раскрывает ее крыло. «Видишь это?»

Теперь я замечаю тоненькие трещины на поверхности, в которые набилось что-то наподобие сахарной пудры. «Что это такое?»

«Споры», – отвечает он. Он вытаскивает серебряный карманный ножик и открывает его лезвие, поблескивающее на свету. Я наблюдаю за тем, как он соскребает немножко спор, чтобы

показать мне. «Начальная стадия развития *Ophryocystis elektroscirrha* – тип простейших паразитов. Ты говорила о тысячах бабочек? Все они будут мертвы через неделю». Он трясет головой, растирая между пальцами пыль, пока она не исчезает. «Это печально».

Я приглядываюсь внимательнее.

Неужели?

«Я не знала, что подсобные рабочие до такой степени вовлечены в процесс контроля за поведением животных», – говорю я. В моей руке бьется бабочка, пытаюсь взмахнуть крыльями. Собственно, он не должен вообще работать с животными. Не могу не удивляться: Оуэн чего-то недоговаривает?

«Я могу заразиться? – спрашиваю я его. – Это вообще-то не банальная простуда».

«Нет. – Оуэн мотает головой. – В любом случае главное тут – не сама болезнь, а их *уязвимость* перед болезнью. Ошибочный поведенческий шаблон. Диета. Сон. Миграция. Агрессия. Такого рода вещи».

Шаблоны.

Многозначное слово, вспоминаю я.

Естественная или случайная конфигурация.

Художественная, музыкальная, литературная или механическая форма или композиция.

Длина ткани, достаточная для изготовления изделия (шитье).

Достоверный образец черт лица, поступков, предпочтений или других видимых характеристик.

Я выделяю четвертое определение и нажимаю *выбрать*.

Мягкий звук подсказывает, что значение занесено в память.

В следующий раз, когда я услышу это слово в разговоре, моя операционная система сразу же выдаст значение, и мне не нужно будет его проверять.

Оуэн поднимает деталь от EZ4310 – окровавленный фрагмент бедренной кости, потом кладет его обратно на землю. «Они даже не *едят* ни одну из них, – бормочет он. – Выглядит так, словно они раздирают их на куски ради забавы. – Он мотает головой. – По-прежнему считаешь программу восстановления ранее исчезнувших видов потрясающей?»

Я не знаю, что ему ответить.

Никто никогда не спрашивал меня, что я думаю об этом.

Оуэн подходит и забирает у меня бабочку. «Тебе нельзя быть здесь, – говорит он. – Я могу попасть в большую беду, просто *разговаривая* с тобой». Он поворачивается по направлению ветра, вскидывает руки к небу, отпускает бабочку и смотрит, как она летит через саванну. «Было приятно увидеться с тобой, Ана», – говорит он спокойно. Потом прыгает в джип, заводит машину и уезжает.

Какое-то время я пристально смотрю ему вслед, растревоженная новой информацией и той искрой электричества, которая пробежала между нами. Еще меня тревожит не то, что он знает мое имя, а то, как приятно оно звучит, когда произносит его он.

Этого оказалось достаточно, чтобы я оставалась рассеянной весь день. Настолько рассеянной, что слишком поздно осознала, что сделала Ния.

14

Протокол судебного заседания

МИСС БЭЛЛ: Г-н Джейкобс, я хочу поговорить с Вами о Вашем общении с одной из принцесс – Панией, верно? – пятого декабря прошлого года.

ТРЕВОР ДЖЕЙКОБС: Да, все правильно.

МИСС БЭЛЛ: Как закончился разговор между вами? Она подошла к вам или Вы подошли к ней?

ТРЕВОР ДЖЕЙКОБС: Не знаю. Кажется, я попросил ее сфотографировать меня с моими братьями. Мы были в Стране Сафари, и я хотел сфотографировать нас сидящими на этом больном буйволе. Нет, не так, он был не *больной*, а вроде как под кайфом. Понимаете? Вот я и попросил ее сфотографировать нас – известно же, что Волшебницы выполняют все ваши просьбы и вообще все что угодно.

МИСС БЭЛЛ: Хорошо. Итак, она сфотографировала вас. Что было потом?

ТРЕВОР ДЖЕЙКОБС: Она попросила посмотреть, как получился снимок – хотела убедиться в том, что света достаточно, или что-то в этом роде. Сказала что-то насчет того, что солнце было за головой. Я передал ей телефон снова, но случайно открыл старое видео из папки Избранное.

МИСС БЭЛЛ: Какое видео?

ТРЕВОР ДЖЕЙКОБС: Видео про нас, которое сняла моя девушка на нашем выпускном.

МИСС БЭЛЛ: И как Пания отреагировала?

ТРЕВОР ДЖЕЙКОБС: Она стала совершенно тихой. Пару раз просила его посмотреть.

МИСС БЭЛЛ: А потом?

ТРЕВОР ДЖЕЙКОБС: Не знаю; это было нетрудно. После, наверно, пятого или шестого просмотра она улыбнулась и поблагодарила меня, кажется. А потом рядом с нами встала другая семья, и она пошла к ним поболтать.

МИСС БЭЛЛ: Понятно. Г-н Джейкобс, как скоро Вы выяснили, что Ваш телефон пропал?

15

Декабрь Гиацинтового ара Двадцать один месяц до суда

Они приходят за Нией (этого следовало ожидать), не в тот момент, когда мы отдыхаем, лежа спокойно в своих постелях. Они приезжают в разгар дня, когда серо-золотое декабрьское солнце стоит высоко в небе, и наблюдают, как мы делаем прощальные поклоны на дневном параде Волшебной Страны. Я разглядела их в толпе перед самым опусканием занавеса: три Супервизора, одетые в белые одежды, ничего не выражающие лица в живом море цвета и звука.

Ния что-то украла.

Она нарушила правило.

Никто не знает, какое наказание ей уготовано.

«Что они сделают?» – мягко спрашивает Юми, когда позже мы собираемся в саду с подстриженными деревьями позади дворца. И здесь крысы вывели из строя камеры видеонаблюдения, и мы можем свободно разговаривать на любые темы. Солнце заходит за тучу, и шифоновое платье Юми – с открытой спиной, расшитое сверкающими розовыми жемчужинами – слабо поблескивает в этом приглушенном свете. Мы сидим в тесном кружке внутри «зверинца», сделанном из буйно растущих кустарников, подстриженных в виде фигур животных – *слоны, обезьяны, лисы, единорог*, со-единив руки в память о покинувшей нас сестре. «Они сделают ей больно?»

Глаза Зары расширяются. «Вы думаете, они постригут ее волосы?» Она трогает свои черные косы, убранные в эффектный, красочно украшенный бусами высокий пучок, и я знаю, о чем она думает: «Я бы *умерла*, если бы Супервизоры сделали со мной такое».

«Уверена, что нет». Я со вздохом поднимаю глаза и вижу дворец, нависающий над нами, как большая гора. Все посетители восхищаются длинными русалочьими локонами Нии, и Супервизоры не станут рисковать своей суперзвездой. «Но они могут запереть ее в башне».

«Навсегда? – ахает Юми. – Без еды?»

«Оставайся самой собой», – вставляет Кая. Ее блестящие черные волосы уложены на плечах элегантной волной, напоминающей рыбий хвост, – одна из ее любимых причесок. «Ты никогда не ошибешься, если слушаешь свое сердце».

Новенькие модели переглядываются между собой.

«Супервизоры всегда знают, что правильно, – раздраженно говорит Ева. – Мы должны поддерживать любое их решение».

Она всегда ведет себя так, будто знает все на свете. Ева – самая старшая из нас, и поэтому имеет привилегии, которые остальные получить не могут. Первая в очереди при выборе платья. Первая в очереди на раздаче еды – и утром, и днем, и вечером. Первая выбирает себе партнера по танцам на вечернем банкете в Волшебной Стране, где актеры, одетые прекрасными принцами, сопровождают каждую из нас вокруг городской площади перед восторженными толпами посетителей. Направление разработки Волшебников мужского пола не продвинулась в Королевстве дальше этапа проектирования опытного образца. Якобы Инвесторы побоялись, что они будут пугать посетителей.

Я отворачиваюсь.

Иногда у меня чешутся руки, и я с трудом сдерживаю себя, чтобы не сорвать с головы Евы тиару, чтобы разломить ее пополам.

Зара отстраняется. «Поддерживать? – Ее красочные бусины позвякивают, когда она встряхивает головой. – Сестра важнее Супервизора. Или ты забыла?»

Забыла.

Внезапно я вспоминаю, как мы сидели в нашей гардеробной перед парадом. Я видела страх в глазах Нии. Я слышала громкое биение ее сердца под слоями кружев и шелков. Я слышала его так же ясно, как мягкий стук в дверь, когда пришли Супервизоры.

«Не забывай меня, Ана».

«Не забывать тебя? – я потрясла головой. – О чем ты говоришь?»

Стук в дверь становится громче. Ния хватает мою руку. «Обещай мне. Пожалуйста».

Я зажмуриваю глаза, ощущая ужасную тесноту в груди. Я так старалась заверить ее, но мои слова ощущались фальшью.

«Пожалуйста, не волнуйся. Все будет хорошо. Ты очень скоро вернешься домой. Я обещаю».

«Они не постригут ее волосы», – говорит, как бы между прочим, Зэл, пробегая пальцами по своим распущенным каштановым волосам. Ее волосы напоминают о том, что Зэл названа в честь Принцессы племени майя Итзэл, богини радуги. «Они не лишат ее пищи и не запрут в башне».

«Ты так думаешь? – Юми подтягивает ноги к груди, ее нефритовые сережки покачиваются при каждом движении. – Вот здорово!»

«Нет, – Зэл медленно качает головой. – Я не думаю, что это здорово».

Все звуки в саду стихли, слова Зэл нависли над нами, как грозовая туча. Внезапно фигуры животных, окружающие нас, перестают выглядеть дружелюбными фантастическими зверями.

Это – чудовища.

«Что же они сделают?» – осторожно спрашиваю я через мгновение.

Как всегда, последнее слово остается за Евой. «Они выключат ее. Несомненно».

Ния не возвращается к нам ни этой ночью, ни следующей, ни даже потом. На четвертый день ее отсутствия одеяло на ее постели остается аккуратно сложенным, разглаженным, и от вида того, как она в последний раз застелила свою кровать, мне так тяжело, что едва хватает сил работать. Мои мысли блуждают. У меня пропал аппетит. Моя эхокардиограмма показывает слабые шумы в сердце. Я просто устала, говорю я им, когда чувствую давление иглы, проскальзывающей под кожу; чувствую металлический привкус на языке; слышу гудение машины, закачивающей кровь с повышенным содержанием гемоглобина в мои вены. Но потом мне становится интересно, а *почему* я себя так чувствую? Логично же: если Супервизоры приходят к выводу, что ее операционная система дает сбой, значит, Нию надо выключить.

Тем не менее я не могу избавиться от этого чувства – чувства, что есть в этом что-то неправильное.

Я тоскую по ней.

Вместо того чтобы ночью отдыхать, я стою у окна, всматриваясь в направлении леса в поисках горящих желтых глаз бешеной лисы, притаившейся в парке. Насколько я знаю, ее (судя по небольшим следам, это именно женская особь, я случайно услышала, как охранник так сказал) до сих пор не поймали.

Что, если Нию покалечили? Или, что еще хуже, выключили? От такой мысли в груди ощущается жгучая боль, сердце сжимается. Что, если она нуждается в моей помощи?

По прошествии недели я больше не могу молчать и собираюсь с духом, чтобы спросить Папу, что они с ней сделали и почему. «Люди ошибаются, – говорю я ему. – Для них это естественно. Она не крала телефон, посетитель дал его ей».

Выражение его лица мгновенно меняется с умиротворенного на удивленное, будто стая черных дроздов внезапно сорвалась с дерева. «Ния – это наша забота, Ана», – отвечает он низким голосом, мягко ощущивая мои меридианы – электрические схемы, спрятанные глубоко в

моем теле – чтобы восстановить оптимальный поток энергии. «Ей пора было... немного отдохнуть. Впрочем, может пройти не один сезон, прежде чем Супервизоры решат, что она готова вернуться к своей работе».

У меня пропадает дар речи. *Не один сезон?* Это может длиться почти год. «А как же дети? Они едут издалека, чтобы увидеть ее. Их семьи жертвуют многим ради этого. Разве они не расстроятся?»

Папа поднимает на меня глаза, но по их выражению трудно понять, о чем он думает. В стеклах очков я вижу только свое отражение – коричневые волосы с медным отливом, серо-голубые глаза, изящный носик и губы, как розовый бутон, – но из-за искривления линз мои математически выверенные, идеально правильные черты выглядят искаженными, изломанными. От этого вида в эпигастральной области поднимается тошнота. Впервые, сколько себя помню, присутствие Папы мне неприятно, оно не успокаивает меня. На-оборот, на коже появляется раздражение, словно в моих венах ползают туда-сюда маленькие жучки.

«Посетители все поймут, – говорит он, возвращаясь к осмотру моих меридианов. – А пока, могу я предложить тебе кое-что?»

«Конечно».

«Не думай о Ние, – говорит он мягко. – Сосредоточься на благодарности. На том, чтобы быть счастливой».

16

В Королевство возвращается зима. Хотя здесь всегда тепло; везде, кроме хрустального купола Страны Зимы; свет становится тоньше, и парк закрывается раньше, в десять, а у нас появляется дополнительный час на отдых в спальне или на прогулку по экспозициям парка, когда посетителей там уже нет, на улицах – тишина, и единственный различимый звук – звук метелок уборщиков, подметающих тротуары.

Я не встречаюсь с тем мальчиком, Оуэном Ченом, только вижу его издалека. Несколько раз, заметив меня, он убежал так быстро, словно один мой вид оскорбляет его. Я к такому не привыкла. Большинство посетителей парка ведут себя совершенно иначе – их взгляды притягиваются к нам помимо их воли, словно невидимая сила подчиняет себе их нервную систему. Собственно, я и мои сестры настолько привыкли к тому, что нас разглядывают, что выработали своего рода шестое чувство, которое подсказывает нам, когда за нами наблюдают. Сначала возникают ощущения под кожей, легкий шелест и мягкая дрожь, поднимающаяся по спине, переходящая в руки и достигающая мозга, где происходит обработка информации. Там чувство разделяется, как свет, преломляющийся через призму, и быстро смешивается с импульсами от других органов чувств – зрения, обоняния, оперативной памяти и слуха – и в зависимости от того, кто наблюдает, включается широкий спектр эмоциональных реакций.

Безмятежность. Подчинение. Удивление. Смущение. Страх.

Но сейчас... Я ничего не чувствую. Почему? Почему он не обращает на меня внимания?

Я разглядываю подсобного рабочего, не приближаясь к нему, и продолжаю недоумевать. Ночь за ночью я сканирую в памяти наш разговор на лугу, но, кроме того, что я не смогла подыскать определение непонятого мне слова «Кулэйд», не могу вспомнить ничего такого, что могло бы его обидеть, и это смущает меня еще больше.

Мысли о нем и нашем разговоре напоминают мне только о Ние.

В конце концов, тот день в Стране Сафари был последним, когда я ее видела.

«Может быть, он может помочь мне, – неожиданно думаю я. – Если он знает так много о Королевстве, как говорит, то он должен что-нибудь знать о том, куда она делась».

Я пытаюсь привлечь его внимание всякий раз, когда мне кажется, что он приближается достаточно близко, чтобы меня заметить. Смеюсь слишком громко над шуткой посетителя. Улыбаюсь слишком широко для семейной фотографии. Жестикулирую слишком оживленно, когда показываю дорогу из Волшебной Страны в Страну Морей, хотя от мыслей о Ние, которой там нет, на душе становится тяжело. Проходят недели, а я все жду, когда Оуэн поднимет глаза – хотя бы поймать его мимолетный взгляд; поворот головы; намек на улыбку – но нет, ничего не происходит. Пожалуй, мои попытки установить связь только отталкивают его еще больше, словно мы два магнитных поля одинаковой полярности, обреченные всегда отталкиваться друг от друга.

На какое-то время, пока нет Нии, с которой я могла бы поговорить обо всем, что случилось, я теряюсь в мыслях как в тумане; он такой густой, что в нем трудно передвигаться.

А потом, через шесть недель после того, как ее забрали, сразу после Дня святого Валентина, туман рассеивается.

Моя маленькая сестричка вернулась.

Зара, Зэл, Юми и я играли в спальне в «Настоящую Любовь», карточную игру нашего собственного изобретения, в которой нужно находить подходящие пары костюмов и номеров.

В бледном отблеске зимнего света Ния выглядит еще прекраснее, чем прежде. Длинные темные волосы мягкими волнами ниспадают на плечи. Красивая смуглая кожа. Полные губы цвета спелой сливы.

Мы окружили ее как пчелы, слетевшиеся на мед – обнимаем, целуем ее, переодеваем в чистую ночную сорочку и с любовью расчесываем ее волосы. Она рассказывает нам о том, где была. Что-то вроде каменного замка. Птица, запертая в красивой клетке. Голос поющего ребенка.

Ния оглядывает комнату и смущенно улыбается. «Не могу поверить, что я снова дома. Должно быть, это сон наяву».

Потом, ночью, когда свет уже выключен и наручники закреплены, я нахожу руку Нии и рассказываю ей обо всем, что случилось за время ее отсутствия. Я рассказываю ей о самом новом ранее исчезнувшем виде – маленьком, еще слепом детеныше Коала, которого назвали РС907. О новом платье Зары из шелкового шифона, с богатой вышивкой, из-за которого Юми так обзавидовалась ей, что три дня потом с ней не разговаривала. И я спросила Нию, где же на самом деле она была.

Почему малиновка улетела с дерева?

И как странно – Ния, похоже, больше не понимает наш язык.

«Что ты говоришь?» – зевает она.

Я в замешательстве и спрашиваю снова: «Где свила себе гнездо малиновка на столько ночей?»

«Какая малиновка? – хихикает Ния. – Ты говоришь глупости. И я хочу спать».

В следующие несколько дней я замечаю, как сильно она изменялась за время своего отсутствия. Она стала спокойнее. Меньше склонна задавать вопросы среди ночи, меньше беспокоится о вещах, на которые повлиять не может. Счастливее. Что-то изменилось и в наших отношениях, хотя что именно мне трудно сказать. Она по-прежнему милая и смешная. Но она больше не берет мою руку среди ночи и не будит меня, если мне снится ужасный сон. Она не просит меня проехаться с ней на трамвае, найти всех посетителей в смешных шляпах, не достает меня глупыми вопросами, как это было раньше.

Кем бы ты хотела быть – птицей или бабочкой?

Что бы ты хотела увидеть – океан или горы?

Так или иначе, проходят недели, а Ния почти не разговаривает. И хотя я хочу поговорить с ней о том мальчишке, которого встретила в тот день в саванне – подсобном рабочем, которого однажды заметила рядом с парком, но с которым так с тех пор и не разговаривала, ее поведение настолько странное, что я решаю этого не делать.

Я говорю себе, что в этом нет ничего личного. Что, наверное, это просто влияние зимы – самое трудное для нас время года, когда время течет медленно, а в парках ходят толпы людей с угрюмыми лицами, так отчаянно жаждущих развлечений, что все это выглядит просто отвратительно. Подтверждает мои размышления приход весны – Ния будто становится прежней, по крайней мере отчасти. Однажды она просит меня сходить с ней посмотреть белого медведя, который сейчас уже совсем взрослый и показывает номера на Стадионе Грозы в Стране Зимы, и я так рада этому предложению, что немедленно соглашаюсь, несмотря на то, что там придется снова увидеть г-на Касея.

Представление начинается с красочного фейерверка: танцующие пингвины, морские львы, смешно шлепающие по льду, моржи, одетые в юбки как у балерин. Но белый медведь не выходит.

«Думаешь, он заболел?» – спрашивает Ния.

«Нет», – отвечаю я, не раздумывая. Но потом, хотя прошло уже почти четыре месяца с того дня в саванне, я вспоминаю Оуэна, который рассказывал мне о животных, выращенных в рамках программы восстановления ранее исчезнувших видов. Какими они иногда становятся большими.

Как быстро они могут умереть. И все из-за... изменения шаблонов.

Я чувствую разворачивающийся в душе страх, словно головокружение, настигающее нас при езде на лифте. Что, если белый медведь *на самом деле* болен?

Что, если он умирает?

А если он уже умер... то почему?

Если выключения делаются целенаправленно... каково его предназначение здесь?

Я встаю, когда публика раздражается бурными аплодисментами, приветствуя парад мохнатых мамонтов: это настоящий хит, он всегда вызывает восторг толпы, даже если, кроме хождения по кругу, они больше ничего не делают.

«Я сейчас вернусь», – шепчу я Ние и соскальзываю с трибуны. Быстро нахожу служебный вход, который ведет в просторный атриум, где содержатся животные до и после выступления. В Королевстве везде используются одни и те же трюки; один из них – прятать двери за нарисованными пейзажами – здесь это переливающийся вздымающийся ледник из пенопласта и картона.

Я проскальзываю внутрь, жду, когда глаза привыкнут к темноте, и задерживаю дыхание от ужасной вони вяленой рыбы и навоза. Внезапно раздается оглушительный крик, от которого я подпрыгиваю на месте.

«Ты – упрямая тупица, я сдеру с тебя шкуру!»

Мой желудок сжимается: я узнаю голос г-на Касея.

Я пробираюсь вперед осторожно, стараясь не задеть нагромождения старых ведер, клеток, капканов и бутафорского реквизита. Нырнув за пустые стойла, которые когда-то использовались для миниатюрных лошадей (они тоже умерли, я помню), я наконец вижу медведя, и у меня перехватывает дыхание.

Он просто громадный! Я читала, что это самый крупный хищник на земле. Поднимаясь на задние лапы и обнажая зубы, он нависает над г-ном Касеем.

Потом резко дергается и падает на землю снова из-за металлических цепей, приковывающих его к месту и не позволяющих свободно двигаться.

«Тупое отродье». Г-н Касей щелкает хлыстом в нескольких дюймах от морды медведя. «Еще раз наедешь на меня, и я лично сдеру с тебя шкуру».

Медведь прижал уши, открыл пасть и издал такой громогласный рев, что я отшатнулась. «Ладно, браток, – смеется г-н Касей. – Раз тебе так этого хочется». Он взмахивает хлыстом и опускает его с оглушительным треском, ударяя медведя так сильно, что тот только успевает издать звук, похожий на крик, перед тем как повалиться на землю.

Я чувствую, что в моей груди что-то оборвалось, сместилось, как при землетрясении или сходе лавины.

Злость?

Нет.

Ненависть.

Хлыст г-на Касея покрывается иссиня-черной магнитореологической жидкостью – комбинацией синтетических клеток человеческой крови и микроскопических металлических частиц, созданной в лабораториях, – *кровью*, иначе говоря. Такая же жидкость проступает через мех белого медведя. Своем зверь шарахается назад, и, наконец, садится.

Г-н Касей наматывает хлыст на руку. «Тебе нужно научиться слушаться, малыш, – говорит он спокойно. – Здесь главный – я. Понял?»

Я жду, пока шаги г-на Касея не замрут вдаль, и выхожу на открытое пространство. Я с трудом соображаю. Чувствую оцепенение. Злость, как туман, который скрыл под собой все остальное. Секунду я могу думать только о том, что необходимо поставить в известность Супервизоров; необходимо сделать так, чтобы Кэмерон Касей больше ни на шаг не приблизился ни к одному гибриду, *никогда*. Но почти сразу же эта мысль гаснет и исчезает. В глубине души я знаю, что, рассказав о нем, я сделаю себе только хуже. Ведь в игре «кто что сказал» Волшебницы всегда оказываются в проигрыше.

Медведь учуял меня раньше, чем увидел, и издал слабый, но угрожающий рык. Предупреждение.

«Не бойся... – шепчу я, приближаясь. – Не бойся. Я – твой друг». Он снова поднимается на ноги, когда я оказываюсь совсем рядом. Я опускаю голову и глаза, давая понять, что не собираюсь причинять ему боль.

Медленно, по-прежнему стараясь не смотреть на него, я протягиваю руку. И жду.

Чего именно, не могу сказать.

В следующее мгновение, вместо острых зубов, я чувствую на своей руке его дыхание – он с любопытством, но все еще осторожно меня обнюхивает.

«Эй, – говорю я, когда он подталкивает меня носом. – Так мне щекотно».

Он отстраняется, чтобы посмотреть на меня, и издает звук, похожий на ворчливое фырканье. Дрожа, я делаю еще несколько шагов вперед и тогда могу запустить пальцы в его мех, невероятно мягкий и чистый. Я чувствую давящий комок в горле и жжение в глазах.

«И жили они долго и счастливо, – говорю я ему. – Обещаю».

«Эй! Какого черта ты тут делаешь?»

При звуке голоса г-на Касея я шарахаюсь назад. Через мгновение он хватает меня и отшвыривает назад с такой силой, что я едва не падаю.

«Ты что, *пытаешься* быть убитой?» – г-н Касей трясет меня так сильно, что мои зубы стучат друг о друга.

Медведь с ревом бросается на г-на Касея, который, быстро толкнув меня на пол, начинает хлестать медведя и не останавливается до тех пор, пока тот не падает замертво. Бело-желтая пена выступает из его пасти.

Я вскакиваю на ноги. Теперь туман рассеялся, теперь полыхает пожар. «Ему так не нравится! Вы – недобрый человек!»

Г-н Касей разворачивается ко мне. Выражение его лица смягчается, и на мгновение мне кажется, что он сожалеет о том, что сделал.

Но потом... он улыбается. Его улыбка ужасна, словно врезана в лицо. «Знаешь, какие большие проблемы у тебя будут, оттого что ты здесь? Это – *мое* животное. Я даю тебе пять секунд, чтобы убраться отсюда, или я тебя выпорю». Он поднимает кулак, и хлыст соскальзывает с него и начинает подпрыгивать, ударяясь о землю. «Пять...четыре...три...»

Я поворачиваюсь и бегу, гонимая удушающим страхом. Я вырываюсь на солнечный свет и секунду не могу вспомнить, где я, где небо, почему воздух такой разреженный и холодный. Очередной взрыв аплодисментов сотрясает стадион. Я вытираю глаза рукой и ощущаю на ней влагу.

К тому моменту, когда я возвращаюсь на свое место, представление уже почти достигло своего грандиозного финала.

Ния выглядит взволнованной. «Где ты *была*?» – спрашивает она.

«Ничего особенного», – отвечаю я спокойно, стискивая пальцы, чтобы не было видно, как они дрожат.

Ния смотрит на меня тяжелым взглядом. «Ты должна быть осторожна, Ана, – неожиданно говорит она настойчивым шепотом. – Хорошо? Есть вещи, о которых они тебе не рассказывают, есть вещи, которые они могут сделать с тобой...»

Но прежде чем она договорила, из громкоговорителей стадиона раздается объявление – напоминание тысячам зрителей о том, что фотографировать и записывать финал запрещено: Королевство много работает над тем, чтобы хранить в тайне секреты своих самых популярных шоу.

«О чем ты говоришь? – спрашиваю я ее. И еще: – Куда ты уходила тогда?»

Но она только мотает головой. «Не сейчас, Ана. Я скажу тебе позже».

Я сжимаю ее руку и повторяю свой вопрос – *умоляю ее* рассказать мне прямо сейчас, но внезапно грянула музыка, включился свет, и все увидели сцену, которая, как по волшебству, трансформировалась в фантастический ледовый дворец, в центре которого стоит сверкающий хрустальный трон. На троне сидит белый медведь, его голова украшена золотой короной. Он поднимается на задние лапы, и потом, как настоящий король Страны Зимы, делает глубокий царственный поклон под бурные аплодисменты стадиона. Только я не аплодирую.

Из многих тысяч восхищенных зрителей только мне нерадостно.

Из многих тысяч восхищенных зрителей только я замечаю цепи, скрытые под снегом, которые не дают медведю сдвинуться с его места.

«Мне нужно выйти, – говорю я Ние. – Я... мне нехорошо. Идешь со мной?»

Но прежде чем я успеваю встать, тяжелый *глухой стук* пригвозждает меня к месту. Женщина вскрикивает. Маленький мальчик без разрешения сорвался со своего места и вскарабкался на ограждение между передним рядом и сценой, хлопая в ладоши и размахивая руками, чтобы привлечь внимание медведя.

«Эй, ты! Тупое животное! Эй ты, там, глупый зверь!»

Это случилось за секунду. Девятисотфудовый *Ursus maritimus* поднимается на ноги и без труда разрывает свои цепи. В следующую секунду он срывается со своего хрустального трона, хватая мальчишку и со страшным ревом и рыком швыряет его на сиденье Стадиона Грозы, вгоняя в панику зрителей, кинувшихся к выходам.

Я никогда не видела охранников, собравшихся на верхних рядах стадиона. Их не должно быть видно – их присутствие разрушает волшебство. И тем не менее я *вижу* снап пуль, вырвавшийся из ружей с такой идеальной точностью, что медведь мгновенно падает на спину.

«*Нет!* – Я пытаюсь встать, но Ния вцепилась в меня. – Это не его вина! Он напуган!»

Я пытаюсь вырваться из объятий сестры, но у нее сильные руки, и она меня не пускает. Но теперь медведь окружен – истекающий кровью, с обезумевшими глазами, его красивая белая шуба вся пропитана кровью. Он испускает страшный рев. Группа вооруженных охранников уже окружила животное, и больше я его не вижу.

«Нет! – шепчу я. Тошнота поднимается к горлу. – Пожалуйста, не надо!»

Моя маленькая сестричка крепко держит меня, пока они вскидывают ружья. «Не смотри! – приказывает Ния. – Закрой глаза! Закрой глаза, Ана! Думай о чем-нибудь хорошем. Думай о чем-нибудь другом».

Они выстрелили одновременно. Звук был такой оглушительный, что я не могу с уверенностью сказать, что действительно слышала то, что сказала Ния потом.

Подумай о спасении.

17

Разговор после судебного заседания

[00:21:06–00:23:14]

Д-Р ФОСТЕР: Это у тебя... четки?

АНА: Точно.

Д-Р ФОСТЕР: Откуда они у тебя?

АНА: Друг.

Д-Р ФОСТЕР: Друг?

АНА: Тот, кто писал мне. Тот, кто верит мне.

Д-Р ФОСТЕР: Ты, должно быть, получала много таких подарков за последние четырнадцать месяцев заключения.

АНА: Не все думают, что я виновна.

Д-Р ФОСТЕР: Почему ты так говоришь?

АНА: Я видела новости. Люди протестуют, правда? Даже вышли на марш...

Д-Р ФОСТЕР: Некоторые протестуют. Но большинство удовлетворены.

АНА: Вы имеете в виду, что сами удовлетворены.

Д-Р ФОСТЕР: Ты совершенно неправа. Твоя ситуация ни в целом, ни в частности не приносит мне никакого удовольствия. Поэтому я даю тебе возможность рассказать правду. Полную правду. [Молчание.] Ана?

АНА: С меня хватит разговоров с Вами. Вы сделали мне больно.

Д-Р ФОСТЕР: Правда? Где болит?

АНА: [Кладет руку на сердце.]

Д-Р ФОСТЕР: Интересно.

АНА: Это все, что Вы можете сказать?

Д-Р ФОСТЕР: А что ты хочешь от меня услышать?

АНА: Было бы неплохо принести свои извинения.

Д-Р ФОСТЕР: Хорошо. Прошу прощения.

АНА: Врете.

Д-Р ФОСТЕР: С чего ты взяла?

АНА: Потому что Вы не смотрите мне в глаза. Вы всегда отводите взгляд перед тем, как соврать.

Д-Р ФОСТЕР: Ты хорошо меня изучила. Так же, как и я тебя.

АНА: Вы думаете, что знаете меня, но Вы меня не знаете. Вы вообще ничего обо мне не знаете.

Д-Р ФОСТЕР: А Оуэн? Он знал тебя?

АНА: [Пауза.] Лучше, чем кто-либо.

18

Песня лагуны

Часть первая оригинальной трилогии Нии, предоставленной KingdomReads

Она действительно вышла из моря.

Копна черных волос, зеленые блестящие глаза и прелестное лицо, словно ожившая сказка – никто на земле не мог устоять перед ее зовом. «Пойдем со мной, малыш, – прошептала русалка. – Пойдем поплаваем».

Ребенок подошел к краю берега лагуны, протянул руки и улыбнулся.

19

Апрель Дымчатого леопарда
Семнадцать месяцев до суда

«Тебе необязательно приходить на мое вечернее представление. – Ния хлопает ресницами перед зеркалом, изучая свое отражение. – Я хотела сказать тебе это еще утром».

«Стой спокойно», – Дмитрий, ее визажист, начинает румянить ей щеки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.